

79-81

802-18
687

ВОЕННЫЙ

175-5-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 12

ДЕКАБРЬ

1870

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКОЙ МИСИИ ВЪ БУХАРУ

ВЪ 1870 ГОДУ (*).

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО САМАРКАНДА.

Назначеніе мисіи въ Бухару.—Цѣль мисіи.—Предстоящія трудности въ достиженіи цѣли.—Отъ Ташкента до Чиназа.—Почтовые станціи на чиназо-ташкентскомъ трактѣ.—Свойство дороги.—Мѣстность, по которой пролегаетъ дорога.—Зачирчикскій край.—Укрѣпленіе Новый Чиназъ.—Переправа черезъ Сыръ-Дарью.—Вторая станція отъ Чиназа.—Картина голодной степи.—Обитатели голодной степи.—Старинныя зданія въ степи.—Отъ Джизака до Самарканда.

Въ отвѣтъ на посольство бухарское, которое, въ теченіе 1869—1870 года, было въ Ташкентѣ и С.-Петербургѣ, туркестанскій генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ 1, въ апрѣлѣ 1870 года, снарядилъ русскую мисію въ Бухару. Главою мисіи избранъ былъ полковникъ С. И. Носовичъ, заслужившій всеобщее вниманіе знаніемъ характера туземцевъ и умѣніемъ обращаться съ ними. Членами мисіи назначены были пять человекъ офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находился и авторъ этихъ строкъ. Мисію долженъ былъ сопровождать конвой въ 50 казаковъ. Главная цѣль мисіи состояла въ заявленіи дружбы туркестанскаго генералъ-губернатора бухарскому эмиру и упроченіе политическихъ и торговыхъ связей съ Бухарою.

До 1870 года, въ теченіе XIX столѣтія, въ Бухару были посылаемы четыре мисіи, а именно: первая въ 1819—1820 гг. (Негри и Мейендорфъ); вторая въ 1841 году (Бутешъ, Леманъ и Ханыковъ); третья въ 1859 году (Игнатьевъ) и четвертая въ 1865—1866 гг. (Струве и Глуховской). Неблагопріятный исходъ переговоровъ всѣхъ этихъ мисій указывалъ на трудность веденія какихъ бы то ни было дипломатическихъ сношеній съ Бухарою.

Особенно памятна была судьба мисіи 1865—1866 года, которая изъ дипломатической обратилась въ плѣнную: мисія эта просидѣла въ неволѣ семь мѣсяцевъ и едва освободилась изъ рукъ варварскаго правительства.

(*) Статья „Путешествіе русской мисіи въ Бухару въ 1870 г.“, помѣщенная въ № 10 „Воен. Сборн.“ за 1870 г., есть отрывокъ этого труда. Ред.

Къ довершенію предстоявшихъ затрудненій, разнесся слухъ, что въ Бухару прибыло изъ Кабула афганское посольство, въ средѣ котораго будто находились даже англійскіе комисары.

Различіе условій, въ которыхъ находилось бухарское правительство прежде и теперь, давало нѣкоторое право надѣяться если не на благоприятный исходъ переговоровъ, то, по крайней мѣрѣ, на личную безопасность членовъ мисіи.

Но и эта была лишь относительная, потому что ни на послѣдовательность политики бухарцевъ, ни на дружбу ихъ никогда рассчитывать нельзя. Все это заранѣе опредѣляло трудность дѣла, предстоявшаго мисіи, въ средѣ хотя и укрощенной, но все-таки необузданной Бухары, для которой понятія о международныхъ правахъ совершенно чужды и невѣдомы.

Сборнымъ пунктомъ для членовъ мисіи былъ назначенъ Самаркандъ, откуда предполагалось двигаться совокупно.

Въ Самаркандѣ я выѣхалъ изъ Ташкента 1-го мая, по почтовой дорогѣ черезъ Чиназъ.

Дорога отъ Ташкента до Чиназа пріятно удивила меня, какъ, думаю, не менѣе пріятно удивляетъ всякаго, проѣзжающаго по этой дорогѣ теперь, и проѣзжавшаго по ней за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. За исключеніемъ почтовой станціи въ Ташкентѣ, всѣ остальные, до Чиназа включительно, содержатся весьма добросовѣстно, и почтовая гоньба почти во всемъ напоминаетъ Европейскую Россію. На почтовыхъ станціяхъ устроены болѣе или менѣе приличные домики, въ которыхъ проѣзжающій можетъ отдохнуть удобно; лошади содержатся въ достаточномъ количествѣ, хорошо сѣзжаны, не измучены и везутъ вась со скоростью 10—12 верстъ въ часъ. Ямщики на станціяхъ или русскіе, или татары, говорящіе по-русски и даже умѣющіе править лошадьми. Сбруя исправна, во время ѣзды не рвется, какъ это бывало весьма нерѣдко прежде. Заведены даже колокольчики, которые еще болѣе переносятъ ѣдущаго въ Россію. Наконецъ, неимѣющіе своего экипажа располагаютъ на каждой станціи двумя русскими телѣгами и одною туземною арбою. Недостаетъ только прочныхъ мостиковъ черезъ арыки, то и дѣло перѣзывающіе путь повсемѣстно въ Средней Азіи, и нѣтъ еще верстовыхъ столбовъ по дорогѣ; но это уже роскошь, о которой покуда даже и думать не дозволяется.

Что касается до полотна дороги, то и оно, въ эту пору года, было весьма удовлетворительно, исключая участка въ пять верстъ предъ Чиназомъ, между этимъ укрѣпленіемъ и мѣстечкомъ Старый Чиназъ,

гдѣ уже образовались порядочныя выбоины. Къ концу лѣта, говорятъ, такія же выбоины образуются и на всемъ протяженіи чиназо-ташкентскаго тракта. Слѣдуетъ упомянуть также о пыли, которая густыми клубами врывалась въ экипажъ.

Впрочемъ, выбоины и пыль не представляютъ диковинки для русскаго путешественника, достаточно съ ними освоившагося внутри Россіи. Осенью эта дорога, какъ и вообще всѣ средне-азіатскія дороги, дѣлается крайне грязною, и всѣ ухищренія, принятые съ цѣлью устранить этотъ огромный недостатокъ, до сихъ поръ оказываются тщетными.

Дорога все время идетъ правымъ берегомъ быстрого Чирчика, который, извиваясь и разбиваясь на рукава, то подбѣгаетъ къ самой дорогѣ, то удаляется отъ нея. Мѣстность вообще ровная; особенно крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ. Изъ Ташкента дорога сперва идетъ садами, которые почти непрерывно тянутся верстъ на 20; затѣмъ проходитъ по открытой мѣстности, и только подъѣзжая къ Чиназу, верстъ за 10, снова появляются сады.

Проходя нагорнымъ берегомъ Чирчика, чиназо-ташкентская дорога пролегаетъ по мѣстности, не отличающейся большою населенностью и культурою. Деревни и деревушки густо сѣтью раскинулись на лѣвомъ берегу Чирчика, между этою рѣкою и Ангреномъ. Легкость проведенія арыковъ (оросительныхъ канавъ) дѣлаетъ всю эту страну, носящую названіе *Зачирчикскаго края*, весьма плодородною, производящею въ изобиліи пшеницу и рисъ и слывущую за житницу Ташкента и всей Сыръ-Дарьинской Области. Укрѣпленіе Чиназъ или, какъ его офиціально называютъ, «Новый Чиназъ», лежитъ на правомъ берегу Чирчика, при слияніи его съ Сыромъ.

При сооруженіи этого укрѣпленія, имѣлось въ виду, съ одной стороны, держать въ своихъ рукахъ переправу черезъ многоводную и главную рѣку Средней Азіи, а съ другой, устроить здѣсь портъ, или, по крайней мѣрѣ, пристань для пароходовъ аральской флотиліи, извлечь возможно-большую пользу отъ пароходства на этой рѣкѣ.

Мѣстоположеніе укрѣпленія въ высшей степени безотрадное: кругомъ разстилается открытая равнина, обнаженная отъ всякой растительности, беспощадно пропекаемая лѣтнимъ солнцемъ и не защищенная отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ.

Печальному виду мѣстоположенія отвѣчаетъ вполне унылый видъ построекъ—сѣренскихъ, низенькихъ, какъ бы придавленныхъ.

Новый Чиназъ состоитъ изъ двухъ частей: укрѣпленія, занимающаго уголъ, образуемый слияніемъ Чирчика съ Сыромъ, и слободки,

прислонившейся къ Сыръ-Дарьѣ и отдѣленной отъ укрѣпленія вѣспланою сажень въ 200 ширины.

Укрѣпленіе состоитъ изъ длинной стѣны, туземнаго способа постройки, съ зубцами. Стѣна, вслѣдствіе чрезмѣрной рыхлости грунта, несмотря на недавнее сооруженіе, уже осыпается; кромѣ того, протяженіе ея далеко несоразмѣрно съ численностью гарнизона. Гарнизонъ укрѣпленія составляетъ одинъ изъ туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, размѣщенный въ казармахъ, лучшее украшеніе которыхъ садики, разведенные между постройками.

Въ слободкѣ садики нѣтъ, такъ какъ она населена русскимъ промысловымъ людомъ, по большей части кабачниками (*), слѣдовательно, неимѣющими времени заниматься такимъ дѣломъ, какъ разведеніе садовъ.

Сколько нибудь большихъ капиталовъ въ Чиназѣ не имѣется: населеніе здѣшнее—мелкіе торгаши, стремящіеся эксплуатировать и своихъ, и туземцевъ. Чтобы умѣрить подобную эксплуатацію, мѣстное управленіе устроило здѣсь рядъ лавочекъ для туземцевъ. Хотя эти лавочки и составляютъ главную улицу слободки, но онѣ стоятъ по большей части пустыми и наполняются лишь разъ въ недѣлю, въ базарный день (по понедѣльникамъ), когда наѣзжаютъ сюда туземные купцы изъ сосѣднихъ деревень (особенно изъ Старога Чиназа) и изъ ауловъ, съ мелкимъ товаромъ, который и продается какъ русскимъ солдатамъ, такъ и кочевникамъ—киргизамъ, приходящимъ изъ-за Сыръ-Дарьи.

Главнѣйшіе продукты торга: клеверъ (который покупаютъ казаки сотни, расположенныя въ Чиназѣ), мука, крупа, кошмы (войлоки) и другіе предметы, существенно необходимые.

Значеніе Новаго Чиназа, безспорно, должно увеличиться, въ настоящее время, съ учрежденіемъ почтоваго тракта изъ Ташкента въ Самаркандъ.

Проживъ въ Чиназѣ три дня, я поспѣшилъ выбраться оттуда, боясь быть задержаннымъ на неопредѣленное время, вслѣдствіе проѣзда афганскаго хана (изъ Ташкента въ Самаркандъ).

Верстахъ въ двухъ отъ города, внизъ по р. Сыру, предстоитъ переправа черезъ эту рѣку. Ширина рѣки, на мѣстѣ переправы, около 250 сажень. Переправа находится въ рукахъ ташкентскаго негодянта Шарофея, который платитъ правительству около десяти съ половиною тысячъ рублей въ годъ. Переправляются на довольно помѣстительномъ желѣзномъ паромѣ, принадлежащемъ аральской флотиліи.

(*) Здѣсь что ни домъ, то кабакъ.

Перебравшись на лѣвый берегъ Сыра, я очутился въ такъ называемой «Голодной Степи». До второй станціи, дорога идетъ по мѣстности, частію болотистой, покрытой камышемъ и осокою, частію кочковатой; эта дорога не весьма удобна даже и въ маѣ, по причинѣ тѣхъ неровностей и выбоинъ, которыя характеризуютъ ее въ сухое время, и отъ чрезмѣрной вязкости грунта и сильной грязи, появляющейся въ ненастное время.

Вторая станція отъ Чиназа расположена у шести колодцевъ, которые всѣ имѣютъ воду горькую и къ употребленію негодную. Люди, живущіе на станціи, достаютъ для себя прѣсную воду изъ колодца расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ станціи.

Оставляя эту станцію, я былъ пораженъ зрѣлищемъ разстилавшейся передо мною равнины: я увидѣлъ необозримую степь, гладкую, какъ поверхность моря въ тихую погоду.

Если альпійскія страны, гдѣ путникъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ преграду и опасность, представляютъ невыразимую прелесть и очарованіе, то не менѣе прелести и очарованія являетъ степная, безграничная мѣстность, гдѣ такъ гладко, что хотъ шаромъ покати—мѣстность, о которой русскій умъ сложилъ поговорку: «тишь да гладь, да Божья благодать». Но какъ пріятно въ странѣ гористой путешествовать пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ, такъ, на оборотъ, здѣсь путешествіе можетъ быть пріятнымъ лишь тогда, когда быстро несешься или верхомъ на лошади, или въ экипажѣ, на лихой тройкѣ. Прекрасно содержимыя станціи въ Голодной Степи вполне удовлетворяютъ этому условію.

Русскія тройки быстро проносятся по степи, гдѣ, въ прежнее время, тащились, какъ черепахи, одни верблюжьи транспорты.

Я мчался десятки верстъ, не видя передъ собою ничего, кромѣ земли и лазуреваго неба, которое, огромнымъ куполомъ, высилось надъ головою. Выраженіе: «чистое поле» какъ нельзя болѣе идетъ къ Голодной Степи; несмотря на то, что было только начало мая, трава уже вся выгорѣла и поверхность мѣстами была голая, какъ ладонь. Только кое-гдѣ показывался, еще не успѣвшій засохнуть и сгорѣть, бурьянъ.

Кашгаръ-Даванскій хребетъ начинаетъ видѣться на горизонтѣ послѣ третьей станціи, Мурза-Рабатъ. Несмотря на скудость, почти отсутствіе растительности, степь однако не безжизненна: она имѣетъ своихъ обитателей. Сюда относятся мириады фалангъ, скорпіоновъ, тарангулъ и другихъ ползающихъ наѣкомыхъ; затѣмъ ее населяютъ черепахи, которыя иногда появляются въ такомъ изобиліи,

что то и дѣло попадаютъ подъ ноги лошади или подъ колеса экипажа. Птицъ также довольно: то стая дикихъ голубей пролетитъ надъ головою, то юркнутъ въ сторону испуганная куропатка, то бѣлоголовый беркутъ спустится надъ павшею отъ бескормицы лошадыю или верблюдомъ. Если, при путешествіи по Европейской Россіи, время отъ времени встрѣчается по дорогѣ падалъ, то въ Азіи скелеты животныхъ могутъ служить, до нѣкоторой степени, указателями пути.

Любуясь степью, я старался анализировать то пріятное чувство, которое она возбуждала. Казалось бы, что однообразие — синонимъ скуки и утомленія, а между тѣмъ однообразие степи веселило меня.

Обаяніе степи истекаетъ изъ двухъ источниковъ: во первыхъ — вслѣдствіе ея единообразія, и во вторыхъ — отъ внушаемаго ею довѣрія и безопасности. Не всякое единообразие утомительно: чистая, ровная, тягучая нота на скрипкѣ, безконечная даль лазуреваго неба, безбрежная синь спокойнаго моря, ровная зелень обширнаго луга — безспорно прекрасны. Чистота звука, чистота цвѣта, чистота и ровность поверхности совершенно объясняютъ прелесть и гармонию чистаго поля. Степь очаровываетъ также и тѣмъ, что вселяетъ въ человѣка надежду на безопасность. Въ то время, какъ въ странахъ гористыхъ человѣкъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ, вниманіе его каждую минуту возбуждено, силы напряжены, въ степяхъ имъ овладѣваетъ полное спокойствіе и безпечность. Русскій характеръ «на авось» могъ выработаться только на равнинахъ. Подозрительный, осторожный, чуткій характеръ кавказца могъ сформироваться только въ горахъ. Житель равнины всегда простодушенъ и чистосердеченъ; горецъ всегда хитеръ и лукавъ; за то послѣдній болѣе храбръ и независимъ.

Все, сказанное о характерѣ степныхъ жителей, относится и къ тѣмъ кочевникамъ, которые населяютъ Голодную Степь по ея окраинамъ, придерживаясь либо Сыръ-Дарьи, либо источниковъ выходящихъ изъ Кашгаръ-Даванскаго и Нуратынскаго хребтовъ, окоймляющихъ степь съ юга. Киргизы и узбеки, живущіе здѣсь, отличаются дѣтски-наивнымъ простодушіемъ и открытымъ нравомъ. Никакихъ воинскихъ наклонностей они не проявляютъ, и хищничество имъ совершенно чуждо. Да и вообще вся степь не носитъ на себѣ никакого слѣда, который указывалъ бы на сооруженія имѣющія воинскій характеръ. По крайней мѣрѣ, на протяженіи 130 верстъ, отъ Чиназа до Джизака, нѣтъ ни одной крѣпости, ни одного укрѣпленія. Наоборотъ: путешественника пріятно поражаютъ встрѣчаемые по дорогѣ старинныя постройки изъ обожженнаго кирпича, которыя, очевидно, предна-

значались для удобнаго слѣдованія по степи торговыхъ каравановъ. Первое такое зданіе встрѣчается верстахъ въ 40 отъ Чиназа; второе на станціи Мурза-Рабатъ, гдѣ, кромѣ того, есть еще и другое, гораздо большее зданіе, и, наконецъ, третье — на станціи Агачты, въ 35 верстахъ отъ Джизака. Всѣ эти зданія (кромѣ большаго, мурза-рабатскаго) снаружи имѣютъ видъ полушарнаго свода, съ семью стрѣльчатыми окнами, основанія которыхъ касаются самой поверхности земли. Зданія возвышаются надъ горизонтомъ около двухъ саженъ, и около же двухъ саженъ углубляются въ землю, такъ что изнутри они походятъ на башни, имѣющія въ діаметрѣ 18 шаговъ. Толщина стѣнъ до $1\frac{1}{2}$ аршина; спускъ во внутренность башни также вымощенъ камнемъ, притомъ онъ не прямой, но идетъ подъ угломъ. Въ мурза-рабатской и агачтынской башняхъ вырыты колодцы съ прѣсною водою. Замѣчательно въ этихъ башняхъ то, что своды ихъ незамкнуты, но имѣютъ отверстіе, около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Башни называются «сардабами», что, въ переводѣ съ персидскаго, означаетъ: «крышка холодной воды». Этимъ названіемъ объясняется и назначеніе башенъ: онѣ служили водохранилищами, защищавшими воду отъ испаренія и согрѣванія; вода же проводилась сюда изъ арыковъ (канавъ), нѣкогда (въ половинѣ XVI столѣтія) орошавшихъ Голодную Степь. Теперь арыки совершенно заглохли, и колодцы въ башняхъ вырыты уже русскими.

На третьей станціи отъ Чиназа, какъ я уже сказалъ, кромѣ башни или сардаба, находится еще зданіе большаго караванъ-сарая. Этотъ послѣдній выстроенъ весь надъ поверхностью земли, въ видѣ правильнаго четырехугольника; зданіе имѣетъ кругомъ открытую галерею, своды которой поддерживаются арками. Своды и здѣсь незамкнуты, но имѣютъ небольшія отверстія.

Кирпичъ, изъ котораго сложены всѣ описанныя мною строенія, отличается чрезвычайною доброкачественностію. Удивительно, какимъ образомъ туземцы умѣли такъ хорошо выжигать кирпичъ прежде и почему не умѣютъ фабриковать его теперь.

Вообще, Голодная Степь, какъ и вся Средняя Азія, представляетъ слѣды существованія здѣсь нѣкогда болѣе могучей жизни. Въ степи и понынѣ видны признаки оросительныхъ канавъ, тянувшихся на 100 и болѣе верстъ. Теперь обширныя пространства пустыни остаются незаселенными, за недостаткомъ воды.

Дать воду степи — значитъ дать ей жизнь. Вотъ почему администрація Туркестанскаго Края серьезно занята мыслью о способахъ

орошенія Голодной Степи. Но пока еще произведенныя изслѣдованія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Отъ Джизака характеръ мѣстности совершенно измѣняется: верстахъ въ трехъ отъ этого города, у русскаго поселенія, именуемаго «Ключевымъ», начинается джелакъ—утипское ущелье, которое тянется верстъ на двадцать. Это ущелье, и вообще дорога отъ Джизака до Самарканда, не имѣла для меня, равно какъ не имѣетъ и для читателя, характера новизны, почему описывать ее подробно не стану.

Въ Самаркандѣ я приѣхалъ 6-го мая.

САМАРКАНДЪ.

Внѣшній видъ Самарканда.—Больница и школа, устроенныя русскими для туземцевъ. — Еврейскій кварталъ. — Статистическія данныя о Самаркандѣ: азіатскомъ (туземномъ) и русскомъ. — Окрестности Самарканда. — Вечеръ у самаркандскаго кавы.

Самаркандъ я встрѣтилъ, какъ стараго знакомаго, который, надобно отдать ему справедливость, похорошѣлъ въ теченіе полутора года, съ тѣхъ поръ, когда я увидѣлъ его въ первый разъ. Городъ совершенно обновленъ. Главныя улицы проложены за-ново; онѣ сдѣланы прямыми, ровными, широкими, въ противоположность прежнимъ—узкимъ, кривымъ и неровнымъ. Площади расчищены; старинныя зданія, памятники минувшей эпохи, кое-гдѣ поисправлены стараніями русскихъ властей и будутъ поддерживаться и впередъ. Цитадель и русскія постройки внутри ея также приведены въ порядокъ.

Въ числѣ полезныхъ учрежденій, основанныхъ русскими въ Самаркандѣ, слѣдуетъ упомянуть о больницѣ и школѣ для туземцевъ. Больница устроена въ одной изъ бывшихъ медресе и открыта въ мартѣ нынѣшняго года. Она находится въ азіатскомъ городѣ, вблизи цитадели. Зданіе весьма хорошее и вполне отвѣчаетъ своему назначенію. Оно расположено въ видѣ четырехугольника, съ такимъ же дворомъ внутри; посреди двора выкопанъ довольно большой прудъ, осыпанный деревьями; комнаты для больныхъ, числомъ 22, расположены въ рядъ, такимъ образомъ, что въ каждой палатѣ могутъ свободно помѣститься два человѣка. Свѣтлый и чистый коридоръ проходитъ вдоль комнатъ. Больница содержится на городскія суммы; при ней живутъ два фельдшера и одинъ надзиратель. Русскій медикъ навѣщаетъ больныхъ ежедневно. Сарты сперва неохотно поступали въ больницу, устроенную кафирами (невѣрными), но теперь начинаютъ постепенно сознать всю ея пользу.

Школа устроена также въ азіатскомъ городѣ; въ ней обучаетъ

учитель, хорошо знающій и русскій, и туземный языки. Въ школѣ учится пока еще только 11 человѣкъ, но, со временемъ, можно рассчитывать, что ихъ будетъ гораздо больше. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать успѣха дѣлу обученія туземныхъ мальчиковъ русской грамотѣ.

Каждый приѣзжающій въ Самаркандъ русскій считаетъ долгомъ посѣтить еврейскій кварталъ, въ виду той прилжи, какая установилась между освобожденными евреями и ихъ освободителями, русскими. Этотъ уголокъ Самарканда производитъ на русскаго трогательное впечатлѣніе тѣмъ, что его встрѣчаютъ здѣсь съ живѣйшимъ чувствомъ радости. Обстановка жизни самаркандскихъ евреевъ не на столько грязна, какъ это можно было бы предполагать по сравненію съ нашими западными евреями. Здѣсь, напротивъ, евреи живутъ даже чище, сравнительно съ мусульманскимъ населеніемъ.

Я посѣтилъ еврейскаго старшину, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное духовное лицо, «калентаръ», что отвѣчаетъ извѣстному въ Европейской Россіи слову «раввинъ». Затѣмъ я отправился осматривать еврейскую синагогу, которая здѣсь именуется «кинеса». Въ одномъ дворѣ расположены двѣ синагоги, отличающіяся простотою постройки и чистотою, въ какой онѣ содержатся. Тутъ же и школа для мальчиковъ.

Еврейское населеніе отличается весьма красивымъ типомъ. Еврейки ходятъ въ своемъ кварталѣ съ открытымъ лицомъ; онѣ закрываются волосаною сѣткою только въ томъ случаѣ, когда вступаютъ въ мусульманскую часть города.

Особенность костюма здѣшнихъ еврейскихъ женщинъ составляютъ серьги, вдѣтыя не въ уши, а въ носъ. Еврея еще издали можно узнать по длиннымъ чернымъ пейсамъ, которые съ висковъ, локонами, спадаютъ до плечъ. Остальные волосы на головѣ они сбиваютъ. Евреи носятъ тибетейку и островерхую шапку, но чалма имъ строго воспрещена кораномъ.

Городъ Самаркандъ, какъ и всѣ недавно занятые большіе города Средней Азіи, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, существенно различныхъ: туземнаго города и русскаго. Послѣдній возникъ въ стѣнахъ самаркандской цитадели, откуда начинается, впрочемъ, распространяться, уже не стѣсняясь крѣпостною оградой.

Статистическія свѣдѣнія о Самаркандѣ, какъ туземномъ, такъ и русскомъ, вѣрнѣе всего охарактеризуютъ значеніе того и другаго.

Въ азіатскомъ Самаркандѣ считается 6,000 домовъ; полагая на каждый домъ по пяти человѣкъ, получимъ все населеніе Самарканда

въ 30,000 душъ. Городъ раздѣляется на кварталы или приходы (махали), которые называются именами своихъ мечетей. Мечети же именуются или по имени строителя, или по имени святаго, которому посвящены. Мечетей внутри городской черты 70; въ форштадтахъ и садахъ, прилегающихъ къ городской стѣнѣ 61, на кладбищахъ и при школахъ 24; итого 165 мечетей. Медресе или высшихъ училищъ 24; въ нихъ живетъ (въ келіяхъ) 938 учениковъ; во время бухарскаго владычества эта цифра была, по крайней мѣрѣ, вдвое больше. Кромѣ учениковъ, живущихъ при медресе, значительное число ихъ приходитъ туда для слушанія лекцій.

Караванъ-сараявъ въ городѣ 33, изъ числа которыхъ 9 индійскихъ. Караванъ-сарай суть крытыя зданія для оптоваго склада товаровъ; здѣсь устраиваются и лавки для товаровъ, и комнаты для купцовъ. Количество лавокъ различное: оно мѣняется отъ 5 до 63 лавокъ; во всѣхъ же караванъ-сараяхъ — 712 лавокъ. Кромѣ караванъ-сараявъ, есть еще *тимы*, отличающіеся отъ караванъ-сараявъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ помѣщеній, а во вторыхъ, вмѣсто лавокъ и комнатъ, вдоль стѣнъ крытаго двора установлены шкапы и прилавки, съ которыхъ и торгуютъ разные лица. Тимы это нѣчто въ родѣ нашихъ краснорядскихъ линий въ гостиныхъ дворахъ. Такихъ тимовъ въ Самаркандѣ два, съ 290 шкапами въ обоихъ.

Базарныхъ помѣщеній 19; въ нихъ устроены или лавки, или навѣсы, или вѣсы, съ которыхъ производится продажа продуктовъ. Такихъ лавокъ, навѣсовъ и вѣсовъ—442.

Затѣмъ слѣдуютъ лавки, расположенныя рядами. Количество этихъ лавокъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Мелочныхъ, съ продажей разныхъ про-	
дуктовъ	444
Желѣзныхъ	37
Мѣдныхъ	20
Съ глиняною посудой	28
— конской сбруей	29
Мясныхъ	130
Съ деревянною посудой	5
— русскимъ чаемъ	50
Ножевыхъ	10
Съ алебастромъ и известью	5 и 6
— чайной посудой	4
— мужской и женской обувью	13

Съ кетменями (землекопными инструмен-	
тами).	8
— чугунными котлами	15
— размотаннымъ шелкомъ	15
— красками	30
— нагайками	2
— тростниковыми (камышевыми) пле-	
тенками	10
— бязью подкладочною	100
— солью	24
— пуховыми чалмами и кушаками	34
— бязью рубашечною	37
— ситцемъ	29

Итого лавокъ 1,085

Присоединивъ къ этой цифрѣ количество лавокъ въ караванъ-сараяхъ, тимахъ и базарахъ, получится общій итогъ всѣхъ лавокъ въ 2,414.

Количества капиталовъ, обращающихся на самаркандскомъ рынкѣ, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя бы и приблизительно.

Заводовъ въ Самаркандѣ имѣется:

Чугунно-литейныхъ	12
Кирпиче-обжигательныхъ	4
Сально-свѣчныхъ и мыловаренныхъ	34
Кожевенныхъ	30
Мельницъ мукомольныхъ	2

Кромѣ мельницъ, гдѣ примѣненъ водяной двигатель, на всѣхъ заводахъ работа производится ручнымъ способомъ.

Ручнымъ же способомъ производится приготовленіе различныхъ предметовъ въ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, число которыхъ простирается до 1,610 и распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Шелкомотальныхъ (гдѣ работаетъ одинъ,	
два и не болѣе трехъ человѣкъ).	15
Кузнечныхъ	17
Хлѣбопекарень	33
Маслобоенъ для кунжутнаго сѣмени	23
Плотничныхъ	42
Токарныхъ и столярныхъ	11
Приготовительныхъ ткацкихъ станковъ	7
Красильныхъ	42

Издѣлій мужской и женской обуви . . .	162
Сѣдельныхъ	25
Золотыхъ и серебряныхъ издѣлій . . .	23
Мастерскихъ для приготовленія сѣделъ верблюжьихъ и ишачьихъ.	38
Арбяныхъ	23
Волосяныхъ веревокъ	17
Мастерскихъ красильныхъ по дереву . .	15
Цырюлень	20
Гончарнаго производства	37
Деревянныхъ гребней	7
Кальяновъ	8
Портняжныхъ	20
Приготовленія шубъ	6
Конфектныхъ	7
Поджариванія гороха	8
Приготовленія чая для розничной про- дажи	30
Продажи плова и пельменей	100
Приготовленія кукнара (одурающее ве- щество изъ маковыхъ головокъ) . . .	2
Заведеній, гдѣ готовятъ ниченки (челноки) для тканія матерій	2
Мастерскихъ для приготовленія алачи (бумажная ткань).	449
Мастерскихъ для приготовленія маты (некрашенная бумажная ткань). . .	188
Мастерскихъ для приготовленія выбойки (читъ)	20
Мастерскихъ для приготовленія канауса. .	7
Мастерскихъ для приготовленія каламы (полосатая бязь)	17
Мастерскихъ для приготовленія бумаж- ныхъ кушаковъ синихъ	16
Мастерскихъ для приготовленія пуховыхъ чалмъ и кушаковъ	82
Лощильныхъ (*).	4

(*) Лощенье производится разбиваніемъ бумажной ткани посредствомъ дере-
вяннаго молота.

Мастерскихъ для приготовленія адрыса (основа бумажная, утокъ шелковый). .	27
Мастерскихъ шелковыхъ платьевъ . . .	3
Мастерскихъ мѣдныхъ издѣлій	6
Рубашечная мата фабрикуется женщина- ми повсюду на домахъ.	

Всѣхъ мастерскихъ и ремесленныхъ за-
веденій 1,610

Въ русскомъ Самаркандѣ насчитывается, въ настоящее время, 158 домовъ; кромѣ того, здѣсь 9 лавокъ, 7 ренсковыхъ погребовъ, 22 питейныхъ дома, 2 гостиницы, 18 бань, 1 церковь и 1 клубъ. Русскихъ заводовъ только два винныхъ.

Русское населеніе въ Самаркандѣ, за исключеніемъ 11 купцовъ и 124 женщинъ, состоитъ изъ военно-служащихъ, число которыхъ до-
ходитъ до 4,000 человекъ.

Окрестности Самарканда славятся своими садами. Здѣшніе сады, по преимуществу, засажены тутомъ (шелковицею), карагачемъ и фрук-
товыми деревьями. Талу здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ окрестно-
стяхъ Ташкента. Самаркандскій тополь отличается своею топиною и
тищедушностью; виноградъ же, напротивъ, замѣчателенъ своею расти-
тельной силою: онъ нерѣдко достигаетъ здѣсь древовидной формы
и встрѣчается въ нѣсколько сажень высоты. Доброкачественность
самаркандскаго винограда также испытана. Вино, которое пригото-
вляютъ здѣсь два русскіе винодѣла, обращаетъ на себя вниманіе
своимъ достоинствомъ и дешевизною.

За день до предполагаемаго отъѣзда изъ Самарканда, я, вмѣстѣ
съ другими моими сотоварищами по путешествію, былъ приглашенъ
въ гости, на вечеръ, къ самаркандскому казы. По взятіи русскими
Самарканда въ 1868 году, болѣе вліятельныя лица, въ томъ числѣ
и казы (судьи), бѣжали въ Бухару, либо въ Хиву. На мѣсто бѣжав-
шихъ, по приказанію русскихъ властей, были выбраны новыя долж-
ностныя лица, причѣмъ число этихъ новыхъ туземныхъ властей было
значительно сокращено. Вмѣсто нѣсколькихъ судей (казы), избранъ
былъ только одинъ, котораго значеніе, поэтому, должно было сдѣ-
латься гораздо больше. Обязанный русскимъ своею властью и значе-
ніемъ, новый самаркандскій казы искренно защищаетъ русскіе инте-
ресы. Для своего званія, онъ еще молодъ: ему не болѣе 36 лѣтъ,
тогда какъ, въ прежнее время, въ эту должность выбирались обык-
новенно пожилые люди.

Физиономія самаркандскаго казы имѣетъ довольно подвижное и

даже плутоватое выраженіе. Когда онъ шутить или радуется, то заливается самымъ ребяческимъ смѣхомъ.

Домъ свой казы отстроилъ съ притязаніями на европейскій ладъ. Столы, табуреты, обитые краснымъ сукномъ, и пѣчто въ родѣ креселъ составляютъ обстановку гостиной, стѣны которой, впрочемъ, испещрены цвѣтами, нарисованными уже совершенно въ сартовскомъ вкусѣ, т. е. безъ всякой перспективы. Потолокъ украшенъ рѣзной работою, полъ устланъ коврами.

Войдя въ комнату, мы нашли столъ уже убраннмъ «досторханомъ», т. е. разными сластями; между ними красовались и русскія вина: хересъ, рижскій бальзамъ и бутылка шампанскаго.

Усѣвшись вокругъ стола, мы начали вести разговоръ съ хозяиномъ.

На вопросъ: «какъ его здоровье?» онъ отвѣчалъ слѣдующею вычурною фразою:

— Сегодня я былъ болѣнъ; но, встрѣтивъ своихъ гостей, я почувствовалъ, что началъ расти, расти, и теперь мнѣ кажется, будто я своею головою достигаю неба.

— Пускай небо изольетъ на твою почтенную голову свои щедроты, пожелалъ ему полковникъ Н*, старшій изъ насъ.

Поглаживаніе бороды и глубокій поклонъ со стороны казы были отвѣтомъ на наше пожеланіе.

Продолжая быть любезнымъ съ хозяиномъ, г. Н* сказалъ:

— Мы давно уже слышали про высокій умъ самаркандскаго казы; теперь мы удостовѣрились, что слухъ какъ нельзя болѣе справедливъ.

Глаза казы заблестали отъ этого комплимента, и онъ, желая оправдать сказанное, началъ говорить съ воодушевленіемъ, но не скороговоркой, а степенно, соблюдая свое достоинство:

«Много есть въ Самаркандѣ умныхъ и толковыхъ людей; многіе изъ нихъ знаютъ шаріатъ отъ доски до доски; но лучше меня никто его не понимаетъ. Одинъ я понимаю слово Божіе и могу разумлѣть народъ. И я поступаю во всемъ согласно съ буквою закона. Въ коранѣ есть текстъ, въ которомъ правовѣрнымъ предписывается повиноваться своему повелителю, и въ которомъ не определено, какую вѣру повелитель долженъ исповѣдывать. Слѣдовательно, для насъ, мусульманъ, должно-быть все равно, что нашъ теперешній великій государь не мусульманинъ: мы обязаны повиноваться ему по буквѣ закона, и не только изъ страха, но и по совѣсти.

Уча народъ повиноваться государю, я учу его уважать и тотъ народъ, который далъ намъ повелителя.

«Въ этомъ отношеніи я подаю первый примѣръ: я отдалъ своего сына въ школу, гдѣ онъ научился русской грамотѣ. Я завелъ въ своемъ домѣ русскіе порядки, чтобы встрѣчать своихъ дорогихъ гостей по ихъ обычаю.

«Враги мои», продолжалъ онъ, «не могутъ простить мнѣ моей молодости и моего значенія—вотъ почему они клеветаютъ на меня, стараясь уронить меня во мнѣніи русскихъ, рассказывая про меня разныя небылицы и, во мнѣніи народа, выставляя меня поборникомъ кафировъ (невѣрныхъ)».

— Оставайся, мудрый казы, твердъ и непоколебимъ въ своихъ начинаніяхъ», отвѣчалъ ему полковникъ Н*, «и тогда козни враговъ твоихъ разобьются, какъ разбиваются волны о камень, стоящій горделиво среди потока. Ты вѣрно дѣлаешь, что учишь народъ повиноваться государю, для сердца котораго одинаково близки интересы всѣхъ его подданныхъ—будутъ-ли то хрістіане или мусульмане. При бухарскомъ владычествѣ, ты, казы, очень хорошо помнишь, было не то. Правами пользовались одни мусульмане; остальные же народы были безправны.

«Читая слово Божіе», сказалъ казы, «я исполнѣ постигаю преимущество новаго передъ прежнимъ. Народъ не обремененъ налогами, какъ прежде; ему стало легче, и онъ богатѣетъ. Примѣръ можете видѣть на мнѣ. При бухарскомъ владычествѣ, ни одинъ казы не могъ бы разбогатѣть такъ, какъ я. Домъ мой сдѣлался полонъ, какъ чаша; въ русскихъ винахъ у меня никогда недостатка не встрѣтите. Я построилъ нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продаются мои товары; построилъ баню, стоящую мнѣ 6,000 рублей, на русскія деньги. А почему? потому, что деньги, получаемыя за мой трудъ и познанія, я не отдаю, въ видѣ подарковъ, правительственнымъ лицамъ, какъ то дѣлывалось прежде. Наоборотъ: теперь правительственныя лица дарятъ и поощряютъ меня въ исполненіи моихъ обязанностей.

«Позапрошлый годъ генералъ-губернаторъ подарилъ мнѣ золотые часы; въ прошломъ году — халатъ; въ нынѣшнемъ году, когда я отсылалъ въ Курбанъ-Майрамъ пловъ генералу А—ву, онъ подарилъ мнѣ тоже халатъ, а джигиту моему далъ 10 рублей. У русскихъ выходитъ наоборотъ: начальствующія лица награждаютъ своихъ подчиненныхъ, а не подчиненные даютъ подарки старшимъ, какъ было прежде у насъ.—«Ну и народъ», заключилъ словоохотливый казы, «какъ нельзя больше доволенъ мною, потому

что я всегда умѣю сохранить свое достоинство. Я не теряю его даже и въ томъ случаѣ, когда шучу, и когда, въ угоду своимъ гостямъ, приказываю иногда дѣлать то, что, быть можетъ, мнѣ не подобаетъ».

Путь отъ Самарканда до Бухары, нѣкоторые свѣдѣнія о городѣ и о представленіи мисіи эмиру, описаны въ статьѣ «Путешествіе русской мисіи въ Бухару, въ 1870 г.», помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ» (*).

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ БУХАРѢ.

Прогулка по городу.—Письмо бухарскаго кушъ-беги къ агенту мисіи.—Визитъ мисіи бухарскому кушъ-беги.—Бухарскіе болѣзнь.—Бухарскія произведенія.—Старыя монеты въ Бухарѣ.—Книги.—Абиссинцы въ Бухарѣ.—Русскій бѣглый.—Наткнутое положеніе русской мисіи въ Бухарѣ.—Торжество русской политики.—Разговоръ агента съ довѣреннымъ бухарскаго правительства.—Среднеазиатская музыка.—Среднеазиатская пляска.—Значеніе бачей въ средней Азіи.—Прощальная аудіенція у эмира.—Представленіе сыну эмира Абдуль-Фаттахъ-хану.—Отъѣздъ изъ Бухары.

На третій день, послѣ нашего приѣзда въ Бухару, мы, въ сопровожденіи бухарскаго чиновника, отправились осматривать городъ, который, однако, ничего интереснаго не представилъ, исключая пестрой толпы народа, слѣдовавшей за нами, подобно волнамъ потока, съ шумомъ и гамомъ. Одни привѣтствовали насъ обычнымъ словомъ: «аманъ», другіе русскимъ: «здравствуйте», наконецъ третьи приговаривали: «хонъ яши тамыръ» (очень хорошій пріятель). Рои мальчишекъ кричали безъ умолку: они или выкрикивали «ура», или истощали весь запасъ русскихъ словъ, которые знали. А этотъ запасъ относился почти исключительно къ командамъ: «становись», «глаза направо», «на плечо», на «кра-улъ» и проч. и проч. Насъ немало изумило такое изобиліе и твердое знаніе русскихъ командныхъ словъ, почему мы обратились къ одному изъ мальчишекъ съ вопросомъ: откуда они научились всему тому, что говорили.

— Насъ научилъ Османъ, который былъ у насъ важнымъ бекомъ (губернаторомъ), отвѣчалъ мальчикъ.

Надо замѣтить, что Османъ, простой сибирскій казакъ, бѣжавшій въ Бухару, приобрѣлъ тамъ важное значеніе: онъ обучалъ бухарцевъ военному дѣлу и командовалъ ими подъ Самаркандомъ и Зирабулакомъ; по въ концѣ 1868 года сложилъ свою буйную голову отъ руки палача, за то, что не хотѣлъ идти съ войскомъ эмира противъ его старшаго сына, стремившагося низложить отца.

(*) См. «Воен. Сборн.» 1870 г. № 10.

Бухарскія власти хотя и дали намъ разрѣшеніе свободно ѣздить по городу, но сдѣлали это только изъ приличія, а потому, подъ разными предлогами, рѣшили впредь затруднить наши экскурсіи по городу. На другой день послѣ нашей прогулки, кушъ-беги написалъ длинное письмо агенту мисіи, въ которомъ выразилъ слѣдующее:

«Люди ваши (министръ разумѣлъ здѣсь членовъ мисіи) вчера сдѣлали *тамашу* (зрѣлище) по благородной Бухарѣ, собирая огромныя толпы народа. Я долженъ предупредить васъ, что между бухарцами есть много необузданныхъ и развратниковъ (*), которые могутъ причинить посольству что-либо непріятное. Во избѣжаніе чего, если ваши люди пожелаютъ впредь осматривать городъ, пускай предупредятъ меня, и я тогда пошлю съ ними пять или шесть важныхъ сановниковъ, которые оградятъ ихъ отъ непріятностей».

Далѣе, въ письмѣ, кушъ-беги отклонялъ мисію отъ визита сыну эмира Абдуль-Фаттахъ-хану (бывшему въ 1868 — 1869 году въ Петербургѣ, и къ которому были привезены отъ туркестанскаго генералъ-губернатора письмо и подарки), на томъ основаніи, что этимъ возбудится зависть въ другихъ дѣтяхъ эмира, и между ними возникнетъ ссора. Министръ совѣтовалъ письмо и подарки вручить сыну эмира наканунѣ нашего отъѣзда изъ Бухары. Затѣмъ достопочтенный кушъ-беги предлагалъ агенту и членамъ мисіи, для покупки бухарскихъ произведеній, присылать купцовъ съ товарами къ намъ на домъ, съ тѣмъ, чтобы мы все, что намъ понравится, откладывали въ сторону и присылали бы къ нему для оцѣнки. Этимъ путемъ кушъ-беги хотѣлъ избавить насъ отъ переплаты купцамъ.

Наконецъ государственный канцлеръ назначилъ 30-е мая днемъ приѣма мисіи у себя.

Въ отвѣтъ на это письмо, агентъ написалъ кушъ-беги, что члены мисіи не его люди, а слуги Бѣлаго Царя, и затѣмъ на всѣ остальные предложенія министра изъяснилъ свое согласіе.

Въ назначенный для приѣма у кушъ-беги день, въ первомъ часу пополудни, всѣ члены мисіи, нарядившись въ кителя съ орденами, отправились къ министру.

Государственный канцлеръ жилъ въ это время за-городомъ, на дачѣ. Дача перваго министра, какъ и все въ Азіи, не только великолѣпнѣе, но даже просто удобствами не поражаетъ. Вокругъ дворика, по азіатскому обычаю, расположены небольшія комнаты съ сѣрыми глиняными, небѣленными ни снаружи, ни внутри стѣнами. Единственные украшенія комнатъ — ковры на полу.

(*) Здѣсь кушъ-беги выразился до-нельзя неприлично.

Мы были приняты на маленькой галереѣ, гдѣ для насъ приготовили сидѣнья изъ топорно-сколоченныхъ табуретовъ, покрытыхъ войлокомъ. Истомленные жарю, мы, въ ожиданіи выхода кушъ-беги, усѣлись. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подошелъ секретарь (мирза) кушъ-беги и объявилъ, что министръ сейчасъ выйдетъ, и что, при его приходѣ, надо будетъ встать. Агентъ замѣтилъ секретарю, что русскіе приличія знаютъ, и относительно того, какъ вести себя, могутъ научить бухарцевъ. Кушъ-беги, дѣйствительно, появился тотчасъ, ведомый подъ руки своими приближенными.

Подойдя къ намъ, онъ неловко подаль каждому свою лѣвую руку, которая сильно дрожала, и вслѣдъ затѣмъ пригласилъ сѣсть.

Лицо кушъ-беги носитъ отпечатокъ узбекскаго типа: оно нѣсколько плоско и съ довольно-широкими скулами; глаза маленькіе и косо-расположенные; носъ широкій, рѣчатый; губы тонкія; цвѣтъ кожи оливковый. Одежду кушъ-беги составляли парчевый халатъ, желтая, съ шалевымъ рисункомъ, чалма и силошъ вышитые золотомъ сапоги на зеленой скуровой подошвѣ, приподнятой у остроконечнаго носка кверху.

Кушъ-беги на видъ около шестидесяти лѣтъ, хотя онъ гораздо моложе. Голосъ чрезвычайно тонкій и какъ будто разбитый. Впрочемъ, вся его фигура казалась расклевшеюся.

Первый вопросъ кушъ-беги былъ о здоровьѣ Бѣлаго Царя, затѣмъ его сыновей, министровъ и туркестанскаго генералъ-губернатора.

Послѣ рѣчи агента о цѣли прихода мисіи, кушъ-беги обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Такъ какъ Бухарское Ханство немаленькое, то я обремененъ важными государственными дѣлами, къ отправленію которыхъ и теперь долженъ обратиться; поэтому прошу васъ отдохнуть, выпить чаю, позавтракать. Темно погода, окончивъ свои занятія, я приду и поговорю съ вами о государственныхъ дѣлахъ».

Сказавъ эти слова, кушъ-беги удалился; но, нѣсколько минутъ спустя, къ агенту подошелъ приближенный бухарскаго премьера и спросилъ, когда онъ желаетъ говорить о государственныхъ дѣлахъ: «послѣ чаю, послѣ фруктовъ или послѣ пилава?» Агентъ отвѣчалъ, что о важныхъ дѣлахъ удобнѣе всего вести рѣчь уже послѣ пилава.

Для чая и угощенія было приготовлено мѣсто въ саду. Садъ кушъ-беги тѣнистостью не отличается: онъ состоитъ на половину изъ виноградныхъ и на половину изъ гранатовыхъ кустовъ. Въ саду также была поставлена для насъ импровизированная мебель, въ чи-

слѣ которой находилась желѣзная кровать, подаренная въ Ташкентѣ сыну эмира Абдулъ-Фаттахъ-хану, когда онъ ѣздилъ въ Россію. Желтый чай (довольно хорошаго качества) подавали въ трехъ большихъ зеленыхъ стаканахъ и въ нѣсколькихъ чашечкахъ. Затѣмъ подали достарханъ и, въ заключеніе, неизбѣжный «палау» (пилавъ). Посуда и сервировка были русскія; но, по своей разнокалиберности, напоминали хозяйство небогатаго содержателя постоялаго двора въ Россіи. Для «палау» поданы были желтыя деревянныя ложки, употребляемыя у насъ простонародьемъ.

Насытившись какъ могли, мы перешли на галерею, давая знать гостепріимному хозяину, что палау съѣденъ, и что время для разговоровъ о важныхъ дѣлахъ наступило.

Вскорѣ во дворъ привели бѣлую лошадь съ раззолоченнымъ чакракомъ и принесли на подносѣ парчевый халатъ и девять штукъ шелковой матеріи. Это были подарки агенту и намъ. Вслѣдъ за поднесеніемъ подарковъ, вышелъ и самъ кушъ-беги. Поблагодаривъ за пріемъ, агентъ испросилъ позволенія у министра отложить рѣчь о дѣлахъ, такъ какъ, въ этотъ разъ, мы были у него въ гостяхъ, и при томъ все самое важное и главное—выраженіе дружбы туркестанскаго генералъ-губернатора—высказано и эмиру, и ему; оставались только мелкіе вопросы, касающіеся отдѣльных частныхъ лицъ, по жалобамъ ихъ на бухарскихъ купцовъ. Кушъ-беги охотно согласился.

На вопросъ кушъ-беги: всемъ-ли мы довольны въ Бухарѣ? агентъ отвѣчалъ, что всемъ, за исключеніемъ одного: намъ не даютъ возможности свободно разъѣзжать по городу и ничего не показываютъ.

«Когда посланникъ вашъ, *тюря-дэсанъ*, былъ въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ», сказалъ агентъ мисіи, «ему каждый день давали возможность видѣть что-нибудь новое. Ему показывали войска, парады, маневры и проч. Если и бухарцы, въ свою очередь, дадутъ намъ возможность свободно разъѣзжать по городу, покажутъ свои лучшія зданія и постройки и, наконецъ, войска, то я останусь вполне доволенъ и, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, доложу генералъ-губернатору, что бухарцы встрѣтили насъ настоящими друзьями и выказали по истинѣ дружеское расположеніе».

Лицо кушъ-беги выразило беспокойство; онъ отвѣчалъ, что это вопросъ такой важности, что рѣшить его самъ не имѣетъ права, а представить благоусмотрѣнію эмира, и тогда не преминетъ сообщить намъ волю своего повелителя. Вслѣдъ затѣмъ, подозревая

своего секретаря, онъ велѣлъ ему записать весь разговоръ съ агентомъ. Секретарь вынулъ изъ-за пазухи *калямъ-данъ* (продолговатая коробочка для храненія туши и каляма т. е. пера), присѣлъ на корточки и началъ быстро писать.

Все написанное было прочитано черезъ переводчика, чтобы агентъ могъ убѣдиться, что все сказанное имъ будетъ передано эмиру вѣрно и точно.

— Нѣтъ-ли еще чего добавить? спросилъ кушъ-беги, по окончаніи чтенія.

— Самое главное, достопочтенный кушъ-беги, прошу васъ передать поклонъ эмиру и засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, отвѣчалъ агентъ.

«Хопъ якши» и взятіе за бороду были отвѣтомъ на это заявленіе.

Вслѣдъ за тѣмъ, мы распростились съ кушъ-беги и уѣхали во свояси.

Послѣ представленія кушъ-беги, агентъ мисіи ожидалъ отвѣта относительно назначенія времени для переговоровъ о заявленныхъ вопросахъ. Спусти нѣсколько дней, агентъ, зная медлительность азіатцевъ, написалъ кушъ-беги письмо, въ которомъ изложилъ всѣ вопросы по жалобамъ купцовъ, нашихъ подданныхъ, и просилъ ихъ разсмотрѣнія. Но и на письмо кушъ-беги не торопился отвѣчать.

Очевидно было, что бухарцы что-то соображали, и хотя относились почтительно и содержали насъ щедро, но не довѣряли.

Для вниманія въ наши пужды, къ намъ былъ приставленъ особый чиновникъ, по имени Арсланъ-ходжа, толстый, неуклюжій, съ глупою фizioномією. На обязанности этого чиновника лежало также подсматриваніе что мы дѣлаемъ, и немедленное сообщеніе о томъ высшимъ властямъ.

Мы жили какъ воспитанники въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Насъ кормили, поили, стерегли ночью и неусыпно наблюдали днемъ. Сообщеніе наше съ вѣшнимъ міромъ происходило при помощи нашихъ джигитовъ и переводчиковъ-мусульманъ, которые могли свободно, во всякое время, бывать повсюду.

Но если членамъ мисіи не приходилось проникать легко черезъ свою ограду, чтобы видѣть бухарцевъ, то, наоборотъ, бухарцы постоянно приходили къ намъ для разныхъ цѣлей.

Утромъ, съ восьми часовъ, большой дворъ посольства наполнялся больными всѣхъ сортовъ, искавшими помощи у нашего доктора. Допускались только мужчины и дѣти; женщины же были отгоняемы бухарскимъ привратникомъ. Число больныхъ простиралось

до 200 душъ ежедневно: одни искали исцѣленія, другіе — укрѣпленія. Относительно послѣдняго, необходимо замѣтить, что ничѣмъ нельзя такъ угодить бухарцу, какъ давши ему укрѣпляющаго.

Между различными, рѣзко выдѣлявшимися типами таджиковъ, узбековъ, евреевъ, индусовъ и проч., попадались изрѣдка и русскія фizioноміи.

Въ числѣ больныхъ явился однажды часовщикъ (*), который выдавалъ себя за астронома и астролога. На вопросъ, въ чемъ состоятъ его астрономическія познанія, онъ отвѣчалъ, что можетъ предсказывать затмѣніе солнца и луны. Въ подтвержденіе своей способности, онъ произнесъ пророческимъ голосомъ:

— Я говорю, что черезъ пять дней будетъ лунное затмѣніе

— Откуда же это ты узналъ, кто сказалъ тебѣ?

— У меня есть книга, по которой я и угадываю.

Мы сообразили, что такая книга была, по всей вѣроятности, русскій календарь, и потому немедленно справились съ календаремъ; оказалось, что лунное затмѣніе должно было случиться не черезъ пять дней, а гораздо позже. Когда это было разъяснено нашему астроному, онъ, не сконфузясь, отвѣчалъ, что его календарь англійскій, переведенный на персидскій, и что русскій календарь, также какъ и турецкій, не сходятся съ англійскимъ и отстаютъ на нѣсколько дней.

Кромѣ больныхъ, насъ посѣщали купцы, также всевозможныхъ оттѣнковъ и національностей. Они приносили намъ для продажи произведенія благородной Бухары. Предметы, которые мы желали купить, согласно предложенію кушъ-беги, отсылались къ нему для оцѣнки. Государственный министръ обозначалъ стоимость предмета, какъ бы малъ или ничтоженъ онъ ни былъ, на особомъ ярлыкѣ и присылалъ къ намъ, послѣ чего уже отъ насъ зависѣло взять предметъ, или нѣтъ.

Справедливость требуетъ сказать, что тѣ произведенія благородной Бухары, которые приносили къ намъ, не заслуживали вниманія по своимъ качествамъ.

Бирюза, на которую члены мисіи напустились—было съ ожесточеніемъ, оказывалась зеленою и бѣловатою. Туркменскіе ковры, славящіеся во всей Средней Азій, были тоже худшаго разбора. Бѣлаго канауса, пріобрѣтеніе котораго было такъ желательно почти всѣмъ членамъ мисіи, совершенно не оказывалось въ продажѣ, и намъ

(*) Въ Бухарѣ четыре часовщика, которые если не служатъ сдѣлать часовъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ починить ихъ.

предложили сдѣлать парочный заказъ. Мало-мальски порядочными найдены были только каракульскія мерлушки и полосатый канаушъ.

И то, и другое — образцовое произведение бухарскаго промышленнаго искусства.

Гораздо болѣе интереса представляли старыя монеты, которыя также приносились къ намъ для продажи: онѣ относились къ различнымъ эпохамъ и служили представителями самыхъ разнообразныхъ цивилизацій.

Самыя древнія изъ принесенныхъ монетъ были греческія (бактрійскія). Всѣ монеты этого типа серебряныя, величиною около русскаго полтинника; онѣ относятся къ эпохѣ распаденія монархіи Александра Македонскаго и образованія бактрійскаго царства. На лицевой сторонѣ монеты представлена профиль царя, а на оборотной изображена фигура Геркулеса, сидящаго на жертвенникѣ, покрытомъ шкурою немейскаго льва и держащаго въ правой рукѣ палицу — орудіе истребленія льва. Большинство монетъ этого типа отличается необыкновенною тщательностью отдѣлки и художественнымъ изображеніемъ фигуръ. На одной изъ монетъ, вокругъ фигуры Геркулеса, весьма явственно и великолѣпно отчеканено: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜ— «василеосъ (*) Ефидемъ». Ефидемъ былъ третій бактрійскій царь.

Ко второй категоріи относились монеты куфическія (временъ первыхъ халифовъ); эти монеты были золотыя, серебряныя и мѣдныя, различныхъ размѣровъ.

Къ третьей категоріи принадлежали монеты христіанскія. Всѣ онѣ золотыя, величиною съ двугривенный. На одной изъ нихъ весьма явственно сохранилась надпись: LVDOV. MANIN. DVX и на оборотной сторонѣ: RECIS. ISTE DVCA SIT. T. MPERATORV. На другой — на лицевой сторонѣ, выбито: DUTHEODOSIVS, PFAVC, а на оборотной: BONO VOTXX MVLTXXS.

Къ четвертой категоріи относились монеты мусульманскія. Большая часть ихъ мѣдныя. Количество монетъ этого рода было громадное.

Кромѣ монетъ, намъ приносили и другія вещи, которыя считались бухарцами почему-либо диковинными, или курьезными, и которыя они надѣялись сбыть намъ. Такъ, намъ приносили: сабельные клинки изъ дамасской стали; малые серебряные компасики, въ формѣ груши; русскіе серебряные кубки, съ изображеніемъ членовъ царской фамиліи; античный ящикъ графа Фердинанда Меаца, конфискованный у него въ 1863 году, и съ которымъ бухарцы не знали что дѣлать;

(*) Василеосъ, по гречески, значитъ: царь, монархъ.

секстантъ, оставшійся отъ Конноли; лекарство, оставшееся послѣ *генерала* (*) Стоддарта, и проч. и проч.

Наконецъ, въ качествѣ курьеза, намъ приносили и книги. Кромѣ извѣстнаго сочиненія *Фирдуси* и «Исторіи Бухары» *Наршахи*, книги не заслуживали никакого вниманія. По большей части это были поэмы въ родѣ «Еруслана Лазаревича», съ такими же рисунками и виньетками. Въ числѣ мусульманскихъ книгъ принесена была однажды русская псалтырь. Кромѣ того, секретарь бухарскаго посольства, бывшаго въ 1869 году въ Петербургѣ, показывалъ библію, переведенную съ англійскаго на персидскій языкъ. Секретарь немало хвалилъ достоинство библіи, что удивило насъ, привыкшихъ видѣть въ мусульманахъ фанатиковъ, нетерпимо относящихся къ всему имъ чуждому.

О вѣротерпимости бухарцевъ мы могли заключить и по другому обстоятельству. Разъ къ намъ привели, тоже какъ диковинку, абиссинца. По распросамъ оказалось, что абиссинцевъ въ Бухарѣ находится человекъ восемь; всѣ они изъ Абиссиніи попали сначала въ Персію, гдѣ были захвачены туркменами и проданы въ неволю въ Бухару. Наши казаки были удивлены, узнавъ, что, приведенный на показъ *черный арапъ* исповѣдуетъ Иисуса Христа и св. Евангеліе; мы же, въ свою очередь, были удивлены тѣмъ, какимъ образомъ бухарцы дозволили абиссинцамъ оставаться при своей религіи и не принудили ихъ принять магометанство.

Русскіе люди, попадающіе въ Бухару, какъ бѣглецы или какъ плѣнные, наоборотъ, всегда принуждаются къ принятію мусульманства. Бухарское правительство, въ этомъ случаѣ, смотритъ на религію какъ на залогъ, скрѣпляющій узы новаго подданнаго съ Бухарою, что, относительно русскихъ, весьма важно, такъ какъ, принадлежа къ высшей интеллигенціи, они постоянно подозрѣваются бухарцами въ тяготѣніи къ своей родинѣ и въ шпіонствѣ.

Одинъ изъ такихъ бѣглыхъ явился къ намъ, съ цѣлью выпросить ходатайство о возвращеніи въ Россію.

Въ Бухарѣ онъ зовется султаномъ Газы-Касымовымъ, а въ Россіи именовался Де-Фульштейномъ Герботомъ. Родился онъ въ Вильнѣ и воспитывался въ тамошнемъ благородномъ институтѣ; ѣздилъ за границу, для усовершенствованія своего образованія изученіемъ медицины; но, на возвратномъ пути въ Россію, попалъ въ какую-то исторію, слѣдствіемъ которой была ссылка его въ Сибирь.

(*) Такъ называютъ въ Бухарѣ англійскаго агента, казеннаго публично, вмѣстѣ съ Конноли, въ 1842 году, по приказанію эмира Назръ-Уллы.

Изъ Петропавловска онъ бѣжалъ сперва въ киргизскія степи, гдѣ промышлялъ въ качествѣ атамана шайки разбойниковъ, а потомъ бѣжалъ въ Коканъ, а отсюда въ Бухару.

Когда членами мисіи было объявлено ему, что позволеніе возвратиться въ Россію можетъ послѣдовать лишь вслѣдъ за признаніемъ сдѣланнаго преступленія Гербатъ началъ придумывать различные причины, вліявшія на его ссылку и побѣгъ. Ему, конечно, не вѣрили, вслѣдствіе чего, Гербатъ сталъ гадать на финиковыхъ косточкахъ.

— Я гадаю, сказалъ онъ, желая узнать, примутъ-ли меня въ Россіи и признаваться-ли мнѣ во всемъ?

— Ну, что? спросили мы, когда онъ окончилъ гаданье.

— Выходитъ хорошо, былъ отвѣтъ.

И, вслѣдъ затѣмъ, опять придумалъ не менѣе несообразную причину. Онъ сказалъ, что будто бы былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ революціонерами 1848 года, вслѣдствіе найденной у него книги съ египетскими гіероглифами, которые и были поводомъ его ссылки въ Сибирь.

— Какъ и чѣмъ вы живете въ Бухарѣ? спросили его.

— Прежде я состоялъ на службѣ у эмира, обучалъ его войска, перевелъ на персидскій языкъ русскіе уставы, предлагалъ бухарцамъ устроить госпиталь для войскъ; но, увидѣвъ, что узкій деспотизмъ эмира не позволяетъ ему выходить изъ предѣловъ своихъ личныхъ расчетовъ и удовольствій, я бросилъ коронную службу и сталъ частнымъ человѣкомъ. Теперь я пользуюсь славой перваго бухарскаго доктора.

И дѣйствительно, Гербатъ знаетъ десятка два названій лекарствъ и нѣсколько болѣзней. Лекарства для бухарцевъ онъ выписываетъ изъ Москвы.

— Если бы вы знали, какъ тяжело европейски-образованному человѣку жить среди этихъ дикихъ варваровъ, погрязшихъ въ тинѣ деспотизма и невѣжества, жаловался Гербатъ и тутъ же сообщалъ, что знаетъ французскій, нѣмецкій и польскій языки и играетъ на фортепьяно; что, во время оно, проходилъ разные мудренныя науки, въ числѣ которыхъ была и алхимія.

Долговременное пребываніе въ Бухарѣ и неумѣренное употребленіе опиума имѣло разрушительное вліяніе и на его организмъ, и на умственные способности, такъ что даже у бухарцевъ онъ слыветъ за юродиваго.

Въ ожиданіи отвѣта на письмо къ кушъ-беги, прошло нѣсколько дней. Положеніе русской мисіи становилось тягостнымъ. Посылаемые

въ городъ наши лазутчики приносили неутѣшительныя извѣстія. Дѣло въ томъ, что русская мисія, по пріѣздѣ въ Бухару, застала афганское посольство, отъ Ширъ-Али-хана. Интересы афганцевъ были діаметрально противоположны интересамъ русскимъ. Афганцы, поддерживаемые англичанами, требовали у эмира позволенія построить крѣпость на Аму-Дарьѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать сообща противъ Россіи. Въ доказательство своей силы они увѣрили, что 12-тысячное войско Ширъ-Али-хана стоитъ уже на Аму-Дарьѣ. Въ случаѣ отказа эмира, они грозили ему войною. Кромѣ того, кабульское посольство гнѣвалось на эмира за великолѣпный приемъ, сдѣланный имъ русскому посольству; оно даже хотѣло удалиться изъ Бухары, но осталось по настояніямъ эмира.

Поставленный между двухъ огней, эмиръ Музафаръ долгое время колебался относительно того, чьей стороны держаться. Одно время онъ уже склонился на сторону афганцевъ, такъ что въ городѣ стали ходить слухи о союзѣ, заключенномъ Бухарою съ Ширъ-Али-ханомъ, и о войнѣ съ русскими; но наконецъ русская политика восторжествовала: эмиръ совершенно склонился на сторону русскихъ. На жалобы и представленія афганцевъ онъ пересталъ обращать вниманіе, и, напротивъ, усиленно сталъ заискивать сближенія съ нами.

7-го іюня, эмиръ прислалъ къ агенту своего довѣреннаго, по имени Миръ-Ахмета, бывшаго секретаремъ въ бухарскомъ посольствѣ съ Абдуль-Фаттахъ-ханомъ, и отлучающагося между бухарцами смышленостію, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ.

Миръ-Ахметъ пришелъ съ отвѣтомъ на письмо агента къ кушъ-беги, которое было доложено эмиру. Эмиръ, по всемъ пунктамъ, сдѣлалъ уступки справедливымъ требованіямъ русскаго правительства. Что же касается до желанія членовъ мисіи ѣздить по Бухарѣ, то Миръ-Ахметъ просилъ, чтобы мы, если можно, не требовали этого, потому что, въ силу коренныхъ законовъ въ священной Бухарѣ, иностранцы не имѣютъ права разѣзжать верхомъ по улицамъ. «Ходить же пѣшкомъ», прибавилъ секретарь, «вамъ самимъ будетъ непріятно».

Относительно того, чтобы показать войска и казармы, довѣренный эмира сообщилъ, отъ имени своего владыки, что эта часть у нихъ такъ несовершенна, что и показывать ее совѣстно; что если русскіе желаютъ дружбы и мира Бухарѣ, то пусть пришлютъ своихъ литейщиковъ, ружейниковъ, солдатъ и офицеровъ для обученія бухарцевъ. Тогда возниныя средства Бухары поправятся на столько, что армію бухарскую можно будетъ показывать иностранцамъ.

Агентъ, не обнадеживая бухарца, сообщилъ ему, что эмиръ можетъ все это изложить въ письмѣ къ туркестанскому генераль-губернатору, и что онъ письмо отвезетъ въ Ташкентъ. Вслѣдъ за тѣмъ агентъ разъяснилъ бухарскому повѣренному, что дружба туркестанскаго генераль-губернатора къ Бухарѣ надежнѣе дружбы всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ державъ, и что рассчитывать на афганцевъ эмиру будетъ слишкомъ рискованно.

Повѣренный эмира, довольный исходомъ переговоровъ, поспѣшилъ къ себѣ, чтобы написать *арсз* (докладъ) своему повелителю.

На другой день, эмиръ, желая угодить мисіи, рѣшился вмѣсто войскъ, щегольнуть передъ нами своею капеллою. Онъ велѣлъ снарядить своихъ лучшихъ музыкантовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пѣвцы, и прислалъ къ намъ.

Часовъ въ восемь вечера, музыканты, въ числѣ семи человекъ, въ сопровожденіи Миръ-Ахмета, явились въ посольскій садъ. Они принесли съ собою груду инструментовъ, которые, какъ кажется, составляли полный среднеазіатскій оркестръ, за исключеніемъ громадныхъ трубъ, особаго рода барабановъ и нѣкоторыхъ другихъ. Инструменты придворныхъ музыкантовъ были слѣдующіе: 1) *дутара* (что значитъ двѣ струны), въ родѣ двухструнной балалайки; 2) *тамбуръ*—балалайка, съ тремя длинными металлическими струнами; 3) *кобызъ*, своего рода виолончель съ двумя волосяными струнами; 4) *зизакъ*, тоже въ родѣ виолончели, только съ тремя металлическими струнами; 5) флейта; 6) *кокчей* — два кларнета, на которыхъ музыкантъ играетъ разомъ; 7) рожокъ и 8) неизмѣнные *чильмандары*, родъ бубенъ.

Музыкантами дирижировалъ придворный шутъ, плясунъ и капельмейстеръ. Среднеазіатская музыка находится въ томъ періодѣ, когда звуки инструмента не отдѣляются отъ напѣва. Играющій вмѣстѣ съ тѣмъ и поетъ. Часто къ напѣву присоединяется и пляска, но пляшетъ лицо постороннее.

Среднеазіатская музыка въ высшей степени уныла, монотонна и однообразна, какъ природа, на лонѣ которой она возникла и развилась. Однако и въ ней встрѣчаются мотивы, хотя дикіе, но, тѣмъ не менѣе, не лишены прелести по своей оригинальности. Музыкальные мотивы Средней Азіи, по всей вѣроятности, послужатъ матеріаломъ для европейскихъ виртуозовъ при композиціи оперъ и балетовъ изъ восточной жизни. Особенаго вниманія заслуживаютъ среднеазіатскіе марши. Нѣтъ сомнѣнія, что музыка въ Бухару и вообще въ Туранъ перешла изъ Персіи; но, независимо отъ персидскихъ мотивовъ, въ

Средней Азіи существуютъ и свои мотивы, выработанные чисто-тюркскимъ племенемъ.

Если о среднеазіатской музыкѣ можно сказать, что она нелишена интереса и ожидаетъ научной разработки, то нельзя сказать того же относительно среднеазіатскаго пѣнія. Безобразіе туранской пѣсни ничего себѣ представить нельзя: ни одной правильной ноты, ни одного сколько-нибудь пріятнаго звука. Субъектъ, услаждающій публику пѣніемъ (я не хочу сказать пѣвецъ), не поетъ, а выкрикиваетъ звуки, и чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ диче эти звуки, тѣмъ больше удовольствія и публикѣ, и крикну. Поющій поднимаетъ голову вверхъ и закатываетъ глаза; жилы его наливаются кровью, и онъ то завываетъ волкомъ, то мяукаетъ кошкою, то реветъ верблюдомъ. Одинъ изъ нашихъ музыкантовъ, оравшій самымъ безпощаднымъ образомъ, возбуждалъ наибольшій восторгъ въ своихъ азіатскихъ слушателяхъ.

— Каково поетъ? голосъ—то каковъ? постоянно повторялъ Миръ-Ахметъ, бывшій недавно въ Петербургѣ, слышавшій итальянскую оперу и даже описавшій ее персидскими стихами.

Слова пѣсенъ среднеазіатскихъ, по большей части, безсодержательны. Туранцы могутъ пѣть цѣлый день и не дать себѣ отчета въ томъ, что поютъ: что взбрѣдетъ на умъ въ данный моментъ, то и поютъ.

Когда пѣніе и музыка достаточно утомили всѣхъ, придворный шутъ взялся развеселить и позабавить насъ. Онъ началъ кривляться, поводи послѣдовательно различными мускулами своего тѣла, начиная отъ кожи на головѣ. Затѣмъ началъ плясать, прищелкивая пальцами и производя неприличныя движенія корпусомъ. Азіатская публика была въ неопisanномъ восторгѣ.

Шутъ человекъ уже старый; въ Бухарѣ онъ играетъ роль совершенно такую же, какую играли шуты у насъ въ Россіи, еще въ прошломъ вѣкѣ, и въ западной Европѣ въ XVII столѣтіи. Старикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и острякъ, и неприличіе его движеній и выходокъ, конечно, не можетъ быть поставлено ему въ вину.

Послѣ пляски, шутъ, подъ звуки музыки, началъ давать свои забавныя представленія, основанныя на еще болѣе безобразныхъ и неприличныхъ сюжетахъ. Сперва былъ на сценѣ *козелъ*, потомъ *лошадь* и затѣмъ *воробей*.

Комизмъ состоялъ въ томъ, что шутъ издѣвался надъ личностію изображаемаго имъ животнаго, вымазывая ему грязью фізіономію, отпуская полновѣсные удары плетью и пр. Чѣмъ звончѣе сыпались удары, тѣмъ удовольствіе азіатской публики было больше; оно до-

стигало высшей степени, когда выходки шута дѣлались циническими, и притомъ въ чисто-азіятскомъ вкусѣ.

— Вотъ она старая Русь! думалъ я, вспоминая время препровождения и забавы нашихъ предковъ.

Когда шутъ кончилъ свою послѣднюю мистерію, онъ внезапно провозгласилъ многолѣтіе эмиру, чѣмъ и закончился спектакль.

Само собою разумѣется, что агентъ мисіи не поспешилъ на похвалы музыкантамъ и, благодаря эмира за удовольствіе, велѣлъ передать ему, что такую музыкою могъ угостить только владѣтель такой благословенной страны, какъ Бухара.

Похвалы польстили самолюбію эмира, и онъ, желая окончательно расположить къ себѣ русскую мисію и очаровать ее бухарскими диковинками, приказалъ, на слѣдующій день, показать намъ придворный балетъ. Вечеромъ, вмѣстѣ съ музыкантами, присланы были и плясуны.

Въ Средней Азіи пляшутъ только мальчики, именуемые *бачами*. Бачи для пляски наряжаются въ женскій костюмъ, со множествомъ мелкихъ бубенчиковъ на рукахъ и ногахъ, и съ косами изъ лошадиныхъ волосъ. Въ пляскѣ бачей замѣчательна грація ихъ движеній и проворство пируетовъ, которые они дѣлаютъ съ изумительною быстротою. Все искусство бачей вертится почти исключительно на возбужденіи чувственности въ зрителяхъ, и надо отдать имъ полную справедливость: они достигаютъ своей цѣли съ успѣхомъ. Прищуриваніе и закрываніе глазъ, томное движеніе мускуловъ лица, сладострастное размахиваніе рукъ и судорожное подергиваніе всѣмъ корпусомъ, все это производитъ на азіятскую публику потрясающее дѣйствіе и поражаетъ ее словно электрическимъ токомъ. Она то мѣлѣтъ и замираетъ, то реветъ отъ восторга. Посидѣть возлѣ бачи, пожать ему руку, дать отпить чаю изъ своей чашки—считается высшимъ блаженствомъ для азіятца.

Нельзя безъ грусти смотрѣть на подобное извращеніе нравовъ. Женщина, изгнанная кораномъ изъ среды общества и упрятанная въ самую непроглядную глубь харема, замѣнена мальчиками, исполняющими роль женщинъ.

Красота женская здѣсь никогда не вліяла благотворно на мужчину; она никогда не возбуждала въ немъ благородныхъ чувствъ и не вдохновляла ни на какіе геройскіе подвиги. Вліяніе женской красоты здѣсь замѣнено извращеннымъ вліяніемъ красоты мужской; чувство любви къ женщинѣ промѣнено на противоестественную чувственную любовь къ мальчику, и эта любовь вошла даже въ поэзію, бу-

дучи воспѣваема не только въ народныхъ пѣсняхъ, но даже въ стихахъ знаменитѣйшихъ и образованнѣйшихъ восточныхъ поэтовъ, Саади и Гафиза. Житель Востока, безнадежно влюбленный въ бачу, разгоняетъ свою тоску тѣмъ, что приглашаетъ къ себѣ пѣвцовъ, которые поютъ ему про любовь какого-нибудь хана или эмира, находившагося въ такомъ же точно положеніи. Въ пѣснѣ воспѣвается, какъ такой-то ханъ, будучи страстно влюбленъ въ бачу, сулилъ ему полъ-царства за одну улыбку, и какъ бача долго оставался глухъ къ голосу своего владыки. Слушатель, въ это время, проливаетъ горючія слезы; но по мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ бача смигается и сердечныя дѣла хана поправляются, слушатель, воображая себя на мѣстѣ сказочнаго героя, ободряется, питаясь надеждою, что и его любовь будетъ услышана. Заключеніе браковъ à la Неронъ и Геліогабалъ сдѣлалось въ Азіи дѣломъ обычнымъ.

Такъ какъ цѣль русскаго посольства была достигнута, то оставаться дольше въ Бухарѣ не было надобности; поэтому агентъ мисіи отправилъ къ кушъ-беги письмо, въ которомъ сообщилъ ему день, когда мисія должна оставить Бухару. Кушъ-беги отвѣтилъ агенту, что препятствій къ выѣзду русскаго посольства не имѣется, и что, наканунѣ отъѣзда, эмиръ желаетъ принять мисію у себя.

17-го іюня, за день передъ отъѣздомъ изъ Бухары, послѣ полудня, намъ были присланы отъ эмира подарки, которые состояли въ слѣдующемъ: агенту пожалована лошадь со сбруею, три халата и 2 тысячи денегъ (400 рублей); офицерамъ и чиновникамъ по два халата и по 400 денегъ (80 р.); нижнимъ чинамъ по одному халату и по 40 денегъ (8 р.). Какъ ни отказывались члены мисіи отъ денегъ, но бухарцы убѣдительно настаивали, говоря, что деньги, по ихъ обычаю, суть лучшіе знаки выраженія дружбы и пріязни.

Передъ вечеромъ, когда спала жара, насъ пригласили къ эмиру. Обстановка при прощальной аудіенціи у эмира была такая же, какъ и при пріемѣ (*). Агентъ благодарилъ его высокостепенство за радушіе, оказанное русской мисіи въ Бухарѣ, и выразилъ надежду, что миръ между двумя сосѣдними странами не будетъ нарушенъ. Эмиръ отвѣчалъ, что сохраненіе мира было всегда его завѣтнымъ желаніемъ, что если происходили какія-нибудь несогласія, то они были

(*) См. статью „Путешествіе русской мисіи въ Бухару“ № 10 „Военнаго Сборника“ 1870 г.

слѣдствіемъ или недоразумѣній, или неправильнаго пониманія «своихъ книгъ» (*).

«Теперь», прибавилъ эмиръ, «я исполнилъ все, что ни требовалъ генераль-губернаторъ, и впередъ приму всѣ мѣры къ тому, чтобы несогласія между сосѣдями не возникали больше».

— Молю Бога, возразилъ агентъ, чтобы слова вашего высоко-степенства сбылись. Мнѣ пріятно будетъ передать ваши слова генераль-губернатору, который несказанно обрадуется припому вами рѣшенію

«Теперь государство бухарское слилось съ русскимъ и составляетъ съ нимъ одно, отвѣчалъ эмиръ. Живя въ Бухарѣ, вы жили какъ бы у себя дома. Мы старались дѣлать все пріятное и удобное не только вамъ, но и вашимъ купцамъ. Передайте генераль-губернатору, что отнынѣ русскіе люди всегда будутъ встрѣчаемы въ Бухарѣ, какъ дома».

Распростившись съ эмиромъ, мы сдѣлали визитъ его сыну Абдулъ-Фаттахъ-хану. Молодой принцъ принялъ насъ въ какомъ-то довольно грязномъ и непривлекательномъ флигелѣ. Онъ сидѣлъ въ углу двухъ узкихъ и низкихъ коридорчиковъ, на простомъ полушелковомъ одѣялѣ, стеганомъ на ватѣ. Кушъ-беги, все время стоявшій, когда мы были у эмира, у принца не только ушелъ безъ приглашенія, но даже тотчасъ овладѣлъ разговоромъ съ агентомъ. Онъ просилъ агента передать генераль-губернатору, что, «пока нынѣшній эмиръ живъ и пока будутъ жить его доброжелатели, Бухара не сдѣлаетъ ни одного шага къ тому, чтобы навлечь на себя хотя тѣнь неудовольствія Россіи».

Размѣнявшись дипломатическими любезностями съ принцомъ и министромъ, агентъ и мы удалились.

Передъ воротами, насъ задержали на нѣсколько минутъ: нужно было сбѣгать къ эмиру за «отвѣтомъ». «Отвѣтъ» означалъ благословеніе и позволеніе идти. И то, и другое было дано — и мы отправились.

На другой день (18-го іюня), мисія, въ сопровожденіи шихаула, торжественно выѣхала изъ Бухары, пробывъ въ столицѣ Средней Азіи 27 дней.

Л. Костенко.

(*) Надо замѣтить, что причиною войны бухарцевъ съ русскими были подстрекательства фанатическаго духовенства (муллъ), которое будто бы находило въ „своихъ книгахъ“ повелѣніе божества идти противъ невѣрныхъ и изгнать ихъ изъ Турана.

ГОРОДЪ БУХАРА ВЪ 1870 ГОДУ.

Внѣшній видъ Бухары. — Обиліе кладбищъ внутри города. — Мечети и медресе. — Караванъ-сарай; базары. — Бани; пруды. — Господствующія болѣзни. — Климатъ. — Населеніе. — Зависимость Бухары отъ Россіи въ коммерческомъ отношеніи. — Англическіе товары на бухарскихъ рынкахъ. — Зависимость Бухары отъ Россіи въ земледѣльческомъ отношеніи. — Свѣдѣнія о военныхъ силахъ Бухары. — Русскіе блгуцы въ Бухарѣ.

Городъ Бухара имѣетъ въ окружности около 10 верстъ, а въ поперечникѣ не болѣе $2\frac{3}{4}$ верстъ. Глиняная стѣна, высотой около трехъ съ половиною сажень, окружаетъ городъ. Стѣна, какъ водится, зубчатая съ башнями. Передъ стѣною, на большей части ея протяженія, нѣтъ эспланады, и вообще стѣна эта никакой серьезной защиты отъ нападенія европейскихъ войскъ не представляетъ. Въ стѣнѣ одиннадцать воротъ.

Бухара хотя и слыветъ какъ бы столицею всей Средней Азіи и центромъ мусульманства, однако не только блескомъ, но даже просто чистотою не отличается. Этотъ городъ также грязенъ и безобразенъ, какъ, впрочемъ, и всѣ среднеазіатскіе города. Такія же узкія, кривыя улицы, вымощенныя крупнымъ булыжникомъ; такія же сѣрыя, невзрачныя сакли, уныло расположенныя безъ всякаго порядка.

Относительно постройки жилищъ, Бухара только тѣмъ и отличается отъ другихъ среднеазіатскихъ городовъ, что имѣетъ много двухъ-этажныхъ саклей. За то эти сакли расположены тѣснѣе, а въ городѣ весьма мало садовъ, составляющихъ единственную отраду, утѣшеніе и, пожалуй, очарованіе въ другихъ среднеазіатскихъ городахъ, въ Ташкентѣ, въ Ходжентѣ, въ Коканѣ, въ Самаркандѣ.

Основываясь на распросныхъ свѣдѣніяхъ, мы узнали, что въ Бухарѣ считается 15 тысячъ домовъ. Полагая на каждый домъ по 5 душъ населенія, получимъ для всей Бухары населенность въ 75

тысячъ душъ. Такимъ образомъ, по населенію, Бухара равняется Ташкенту, хотя и расположена гораздо тѣснѣе его.

Особенность внѣшней физіономіи Бухары составляетъ обиліе кладбищъ внутри города. Здѣсь жилища мертвыхъ и живыхъ перемѣшаны и, странное дѣло, относительно прочности и щегольства постройки, первыя имѣютъ преимущество передъ послѣдними. Живые обитаютъ въ тѣсныхъ, низкихъ, грязныхъ конурахъ, слѣпленныхъ изъ комковъ глины и разваливающихся не только отъ землетрясеній, но и отъ собственной тяжести; мертвые же помѣщаются въ могилахъ, устроенныхъ изъ обожженного кирпича и имѣющихъ видъ трехгранныхъ призмъ. Выводятся собственно только двѣ грани, которыя дѣлаются нѣсколько выпуклыми, такъ что образуется нѣчто въ родѣ стрѣльчатого свода. Покойника, обернувъ въ саванъ, кладутъ на землю въ устроенную такимъ образомъ гробницу, и закладываютъ ее съ обѣихъ концовъ камнями.

Такъ какъ Бухара считается городомъ «священнымъ», то и почва, на которой она расположена, также признается «святою»; вотъ почему всякому ревностному мусульманину желательно быть похороненнымъ на «святой землѣ». Но такъ какъ мѣста въ городѣ мало, а число покойниковъ постоянно возрастаетъ, то послѣднія убѣжища бренному тѣлу бухарцевъ воздвигаются на тѣхъ же самыхъ кладбищахъ, которыя распространяются вверхъ, и могилы лѣпятся одна надъ другою, образуя ярусы.

Вторую особенность Бухары составляетъ обиліе мечетей, число которыхъ, по увѣренію бухарцевъ, равняется числу дней въ году. Мечети зачастую устроены при медресе, которыхъ считается до 140. Мечети, какъ и медресе, большого вниманія не заслуживаютъ. Лучшія, конечно, тѣ, которыя были воздвигнуты въ старину, но здѣшніе памятники старины далеко уступаютъ самаркандскимъ. Бухарскія мечети и медресе имѣютъ видъ тяжелыхъ, каменныхъ массъ, въ родѣ казармъ, не поражающихъ даже своею грандіозностью.

Лучшею мечетью считается мечеть «Каланъ» (большая), которую по пятницамъ посѣщаетъ эмиръ, и стоящая насупротивъ нея мечеть «Миръ-арабъ». На небольшой площадкѣ, между этими двумя мечетями, выстроена высокая, довольно щегольская башня, съ которой, по повелѣнію эмира, сбрасываются виновные на мостовую.

Нѣкоторыя мечети и медресе увѣнчаны аистовыми гнѣздами, владельцы которыхъ безмятежно, изъ рода въ родъ, передаютъ свое наслѣдіе, пользуясь почетомъ и уваженіемъ народнымъ.

Медресе наполнены учащимися, которые стекаются сюда не толь-

ко изъ разныхъ концовъ Азіи (изъ Персіи, Афганистана, Индіи), но даже и изъ Россіи (съ поволжскихъ губерній). Поглотивъ всю мусульманскую мудрость, состоящую въ изученіи корана и толкованіи на него, ученики возвращаются во-свои и дѣлаются муллами. Такимъ образомъ, въ духовномъ отношеніи, Бухара разыгрываетъ, въ мусульманскомъ мірѣ, роль Рима въ мірѣ католическомъ.

Но если въ Бухарѣ многочисленъ классъ духовенства, то еще болѣе многочисленъ классъ торговыхъ людей. Народъ бухарскій, по преимуществу, торговый. Бухара, находясь въ центрѣ караванныхъ путей, связывающихъ востокъ и югъ Азіи съ Европою, издревле усвоила себѣ меркантильный складъ, такъ что купцы бухарскіе пропикаютъ гораздо далѣе, чѣмъ муллы. И во всякомъ случаѣ, бухарскимъ купцамъ слѣдуетъ отдать преимущество передъ учеными. Послѣдніе разносятъ съ собою лишь мертвящія начала обрядовой стороны мусульманства, изувѣрства и фанатизма, тогда какъ первые, обмѣнивая произведенія различныхъ странъ, способствуютъ сближенію народовъ и, надобно отдать имъ справедливость, ведутъ свои дѣла умѣючи.

Бухара славится также своими базарами. Базарныя помѣщенія, мѣстами, выведены довольно капитально изъ камня; но, несмотря на то, лавочки въ нихъ сооружены все таки миниатюрныя, похожія больше на каменные мѣшки, чѣмъ на настоящія европейскія лавки. Ничтожное количество товаровъ, въ такихъ лавкахъ, не даетъ выгоднаго понятія о бухарской торговлѣ; но судить по нимъ о всей торговлѣ было бы ошибочно: въ лавчонкахъ сидятъ одни мелочники, торгующіе въ кредитъ и забирающіе товаръ у болѣе крупныхъ купцовъ, товары которыхъ расположены въ складахъ, именуемыхъ *караванъ-сараями*.

Караванъ-сараявъ въ Бухарѣ считается до 50. Постройка ихъ отличается болѣею капитальностью и щеголеватостью, чѣмъ въ другихъ среднеазіатскихъ городахъ. Каждая національность имѣетъ свой караванъ-сарай. Такъ, русскіе купцы, пріѣзжая изъ Россіи, складываютъ свои товары въ *Алимъ-сарай*, вмѣщающемъ въ себѣ до 1,500 верблюдовъ; русскіе татары (прикащики и довѣренныя) въ *Наай-сарай*, рассчитанномъ на 2,000 верблюдовъ; афганцы опять имѣютъ свой сарай и т. д.

Оптовая торговля производится въ этихъ сараяхъ, и здѣсь же происходитъ взиманіе торговыхъ пошлинъ, зякета, въ размѣрѣ 2½% съ мусульманъ и русскихъ, и 5% съ не-мусульманъ.

Къ числу общественныхъ зданій въ Бухарѣ слѣдуетъ отнести бани, которыя, во всѣхъ мусульманскихъ городахъ, составляютъ су-

щественную необходимость. Въ Бухарѣ считается до 20 бань. Передъ разсвѣтомъ, жители пробуждаются протяжнымъ и заунывнымъ звукомъ рожка, приглашающимъ правоверныхъ въ бани для совершения положеннаго по закону омовенія. Вечеромъ, по такому же трубному звуку, приглашаются женщины.

Иногда дѣлается разрѣшеніе правовернымъ купаться въ общественныхъ прудахъ; впрочемъ, это дозволяется больше въ видѣ баловства.

Общественные пруды (хаузы) въ Бухарѣ — ея гордость. Ихъ насчитываютъ свыше 80. Пруды отличаются большими размѣрами и лучшимъ устройствомъ, чѣмъ въ другихъ среднеазиатскихъ городахъ. Они, въ большинствѣ случаевъ, хорошо вымощены камнемъ и почти всѣ отѣнены деревьями.

Лучшимъ изъ прудовъ считается резервуаръ «диванъ-беги» (Ляби хаузъ диванъ-беги), вокругъ котораго, въ тѣни деревь, расположены чайныя лавки, съ вѣчно-кипящими самоварами, приманивающими къ себѣ многочисленную публику. Кромѣ «чаентъ», тутъ же расположены, подъ навѣсами изъ циновокъ (въ родѣ грибка), продавцы фруктовъ, хлѣба и разныхъ другихъ снѣдъ неприхотливой азіатской страны. Толпы народа, съ утра до ночи, копошатся здѣсь. Это мѣсто самое бойкое и привлекательное во всей Бухарѣ.

Пруды наполняются водою изъ главнаго канала «Шахри-рудъ», который беретъ начало изъ Заравшана. Шахри-рудъ входитъ въ Бухару съ восточной стороны и выходитъ съ западной. Протекая все время по илесто-солонцоватому дну, вода Шахри-руда мутится. Затѣмъ, будучи напущена въ пруды, она мѣняется лишь недѣли черезъ двѣ. Въ теченіе этого времени, вода до того засаривается и портится, частію сама собою, какъ всякая стоячая вода, частію вслѣдствіе врожденной нечистоплотности азіатцевъ, сваливающихъ въ воду всякую дрянь, что поражаетъ различныя кожныя и внутреннія болѣзни, извѣстныя только азіатцамъ. Сюда относится болѣзнь *ярра-ауани* (афганская язва), названная русскими *сартовского болѣзнью*. Болѣзнь эта, извѣстная во всѣхъ среднеазиатскихъ городахъ, оставляетъ послѣ себя явственныя слѣды. Происходя отъ наружнаго употребленія воды, она, въ большинствѣ случаевъ, поражаетъ части организма, болѣе всего приходящія въ соприкосновеніе съ отравленною водою, т. е. лицо и руки.

Другая интересная болѣзнь *ришта* (*filaria medinensis*) происходитъ, какъ кажется, отъ внутренняго употребленія воды. «Риш-тою» называется тонкій, бѣлый червь, толщиною и цвѣтомъ похожій

на вермичелину. Длина червя доходитъ до одного аршина. Болѣзнь начинается опухолью, причемъ иногда чувствуется сильная ломота въ костяхъ, внутренній жаръ, сухость во рту и жажда. Опухоль превращается въ нарывъ, который прорывается и обнаруживаетъ «ришту». Тогда ее осторожно вынимаютъ, стараясь не оборвать. Въ случаѣ разрыва червя, послѣдній уходитъ далеко во-внутрь, и тогда его извлечь уже гораздо труднѣе. Болѣзнь эта поражаетъ, по преимуществу, ноги. Самое лучшее средство избѣжать ришты — пить отварную воду.

Царство «ришты» — Бухара; но она, кромѣ того, существуетъ еще въ Катты-Курганѣ и Джизакѣ, такъ какъ оба эти пункта, относительно проточной воды, находятся почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Бухарою. Въ Европѣ «ришта», какъ кажется, неизвѣстна, но въ Малоросіи существуетъ народное повѣріе, намекающее на «ришту». Народонаселеніе южной Россіи перестаетъ купаться въ рѣкахъ послѣ Ильина дня (20 іюля) на томъ основаніи, что, съ этого времени, вода *зацѣптаетъ*, и конскій волосъ, оставшійся въ водѣ, пріобрѣтаетъ способность оживать. Оживленный волосъ, подѣ именемъ *волосатика*, проникаетъ въ туловище и преимущественно въ ноги недалновиднаго купальщика, и причиняетъ ему опасную болѣзнь, оканчивающуюся антоновымъ огнемъ. Повѣріе это весьма распространено въ Малоросіи, хотя «ришты» тамъ, по всей вѣроятности, никто не находилъ. Есть основаніе думать, что легенда о волосатикѣ занесена туда изъ средней Азіи. Благодаря этой легендѣ, народъ держится въ спасительномъ страхѣ и предохраняется, если не отъ волосатика, то отъ другихъ болѣзней, сопряженныхъ съ употребленіемъ портящейся воды (*).

Кромѣ «ришты», изъ наружныхъ болѣзней въ Бухарѣ довольно распространена *пись* или *мяхау*. Эта болѣзнь состоитъ въ появленіи бѣлыхъ, молочнаго цвѣта, пятенъ по тѣлу и въ общей слабости организма. Болѣзнь прилипчива, почему всѣхъ заболѣвающихъ ею удаляютъ изъ общества. Въ Бухарѣ существуетъ особый кварталъ (домовъ въ 500), населенный больными «писью». Всякое общеніе съ ними строго воспрещено. Въ Самаркандѣ, въ Ташкентѣ и въ другихъ большихъ городахъ средней Азіи, больныхъ «писью» выселяютъ за городъ, въ особые кишлаки (деревни).

(*) *Волосатикъ* (*Gordius aquaticus*), дѣйствительно, существуетъ и относится къ породѣ глистовъ, которые, въ развитомъ состояніи, ведутъ жизнь самостоятельную, а до полного превращенія живутъ въ тѣлѣ другихъ животныхъ.

Кромѣ поименованныхъ болѣзней, въ Бухарѣ чрезвычайно распространены *глазные болѣзни*, вслѣдствіе совокупнаго вліянія ослабительнаго солнечнаго свѣта, громадной пыли и дурной воды, затѣмъ сифилисъ и оспа.

Болотныя окрестности Бухары и вредныя міазмы отъ испаренія ихъ, а также быстрота переходовъ отъ дневнаго зноя къ вечерней прохладѣ, порождаютъ лихорадки и горячки; излишнее употребленіе недозрѣвшихъ фруктовъ, составляющихъ во всей средней Азіи главную пищу въ теченіе большей части года, производитъ желудочныя болѣзни. Кромѣ того, имѣютъ здѣсь мѣсто чахотка, сухотка и проч.

Такимъ образомъ, въ Бухарѣ можно встрѣтить всевозможныя болѣзни, какія только существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, извѣстны въ европейской медицинѣ.

Несмотря на то, климатъ Бухары нельзя считать вреднымъ для здоровья. Благодаря высокому положенію надъ уровнемъ моря (на 1,200 футовъ по Борнсу), Бухара пользуется довольно умѣреннымъ климатомъ. Мы пріѣхали въ Бухару въ самое непривлекательное время года, когда стояли сильныя жары, было полное безвѣтріе и въ прудахъ и въ арыкахъ не находилось ни капли воды. Жители пили воду исключительно изъ колодезевъ, которыхъ въ Бухарѣ довольно много. Въ воздухѣ стояла страшная сухость. Но вскорѣ подулъ сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ, и въ то же время пришла вода съ Верхняго Зарявшана. Пруды и арыки наполнились живительною влагою, городъ освѣжился и встрепенулся.

Вотъ результаты метеорологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ во время нашего пребыванія въ Бухарѣ.

Наибольшая температура. Наименьшая температура
въ градусахъ по Р. въ градусахъ по Р.

24-го мая.	28	19
25-го —	28	20
26-го —	28	19
27-го —	28	19
29-го —	30	20
30-го —	30	20
31-го —	30	20
1-го іюня.	30	20
2-го —	32	21
3-го —	32	22
4-го —	33	22
5-го —	32	20

6-го іюня.	29	20
7-го —	32	22
8-го —	31	22
9-го —	29	21
10-го —	29	20
11-го —	30	20
12-го —	30	20
13-го —	29	20
14-го —	30	21
15-го —	26	22
16-го —	27	20
17-го —	29	20

Населеніе Бухары отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. Оно состоитъ изъ таджиковъ (иранскаго происхожденія) и узбековъ (тюркскаго); затѣмъ изъ аравитянъ, евреевъ, индусовъ, персіянъ и небольшого числа русскихъ бѣглыхъ. Всѣ эти народности находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, вслѣдствіе племенной вражды. Этого антагонизма и есть причина, почему изъ бухарскаго ханства не могло выйти сколько-нибудь крѣпкаго организма. Въ настоящее время, пунктомъ соединенія и упованія всѣхъ народностей Бухары—Россія. Населеніе ожидаетъ, вмѣстѣ съ приходомъ русскихъ, избавленія отъ различныхъ бѣдствій, такъ что Бухару теперь уже на половину можно считать русскимъ городомъ.

Евреи, униженные мусульманскимъ правомъ до такой степени, что ихъ даже не позволено имѣть рабами, издавна смотрѣли на русскихъ какъ на своихъ избавителей. Во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, осматривая еврейскую синагогу (кинесу) и удивляясь ея бѣдности и ничтожности, мы спросили: почему евреи не выстроитъ себѣ лучшей? Намъ отвѣчали, что бухарское правительство не позволяетъ, по что евреи надѣются на русскихъ, которые, въ скоромъ времени, соорудятъ имъ хорошее зданіе. Евреевъ въ Бухарѣ свыше двухъ тысячъ; они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ, въ восточной части города.

Индусы въ такомъ же угнетеніи, какъ и евреи, почему также желаютъ прихода русскихъ, надѣясь, подъ сѣнью ихъ власти, заниматься безопасно денежными оборотами—ихъ обычнымъ занятіемъ.

Персіяне живутъ въ Бухарѣ или какъ рабы, или какъ отпущенники, часто достигающіе высшихъ государственныхъ степеней. Прежде въ Бухарѣ существовалъ невольничій базаръ, на которомъ персіяне и персіянки продавались какъ вьючная скотина. Но, съ за-

пятиемъ русскими Самарканда, когда множество рабовъ бѣжали изъ Бухары въ этотъ городъ, гдѣ они были освобождены русскимъ правительствомъ, невольничій рынокъ въ Бухарѣ упразднился отъ боязни покупателей, что купленное добро можетъ сбѣжать. И теперь въ Бухарѣ насчитываютъ еще до десяти тысячъ рабовъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что они изо-дня на день ждутъ своего избавленія. Во время нашего пути изъ Бухары, не доходя до кишлака Миръ, мы встрѣтили мальчика, который велъ двухъ верблюдовъ. Поравнявшись съ мисією, онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: «русскіе, я рабъ, освободите меня!» Сопровождавшій насъ, бухарскій чиновникъ громко расхохотался на возгласъ малютки, слова котораго болѣзненно отозвались въ сердцѣ каждаго изъ насъ; но увы! мы ничего не могли сдѣлать для него, и только украдкою бросили ему нѣсколько монетъ.

Что же касается до таджиковъ и узбековъ, то и они, несмотря на все различіе въ вѣрѣ, смотрятъ на русскихъ какъ на своихъ друзей, вслѣдствіе тяжкаго ярма, наложеннаго на нихъ эмиромъ. Музафаръ-Эддинъ (нынѣшній эмиръ), въ началѣ своего царствованія стяжавшій благословіе и любовь народа, теперь заслужилъ ненависть и презрѣніе. Справедливости, которою онъ прежде руководился, теперь не существуетъ.

Народъ заваленъ налогами. Хераджъ (поземельная подать) платится въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ урожая, тогда какъ, по шаріату (мусульманскому праву), слѣдуетъ платить лишь $\frac{1}{5}$; танапъ также увеличенъ. Кромѣ того, наложены другіе виды податей, которыхъ прежде не было. Предметы жизни вздорожали. Къ довершенію бѣдствій, пошли неурожай. Народъ, какъ онъ ни вышколенъ путемъ продолжительнаго деспотизма и гнета, началъ роптать. Для удержанія черни въ повиновеніи, эмиръ и его правительство нашли нужнымъ прибѣгать къ частымъ казнямъ.

«Народъ бухарскій», выразился однажды посланный отъ кушъ-беги, «до такой степени испорченъ, что для того, чтобы управлять имъ, необходимо каждый день умерщвлять хотя по одному человѣку».

Казни, дѣйствительно, сдѣлались часты; но народъ не исправляется, и даже позволяетъ себѣ неслыханныя вещи: такъ, на мѣстѣ, обогренномъ свѣжею кровью, смѣльчаки собираются и критикуютъ распоряженія эмира.

И, правду сказать, есть чѣмъ быть недовольнымъ. Не говоря уже о неспособности эмира къ дѣламъ государственнымъ, онъ крайне безпеченъ и равнодушно относится къ жизни своихъ подданныхъ.

Такъ, во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, было зарѣзано эмиромъ, въ одинъ день, одиннадцать человѣкъ совершенно невинныхъ, и вотъ по какому случаю. Учительница въ женскомъ харемѣ эмира отправилась—было верхомъ на ослѣ, на богомолье въ Богоуеддинъ. На полупути она остановилась для отдыха въ одномъ домѣ, гдѣ была изнасилована и зарѣзана сарбазами (солдатами). Эмиръ велѣлъ тотчасъ же казнить всѣхъ жильцовъ дома, въ которомъ учительница отдыхала. Приказаніе повелителя было исполнено немедленно; но на другой день отыскиались настоящіе виновники преступленія, въ числѣ четырехъ человѣкъ. Когда эмиру доложили объ этомъ, онъ возразилъ:

— Зачѣмъ же вы торопились исполненіемъ казни?

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему народъ бухарскій долженъ желать переменъ управленія. Ненавидитъ русскихъ только многочисленный классъ духовенства (муллъ), который, пользуясь значительными доходами (изъ вакуфныхъ земель), естественно желаетъ сохраненія стараго порядка.

Если Бухара тяготеетъ къ Россіи въ нравственномъ отношеніи, то она еще болѣе тяготеетъ къ ней въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Отправившись-ли по базарамъ—на каждомъ шагѣ увидишь русскіе товары; зайдешь-ли въ чай-хане, мѣсто кейфа мусульманина, опять замѣтишь русскіе самовары, чайники, подносы, чашки и проч.; завернешь-ли въ домъ къ правовѣрному—и тамъ найдешь множество необходимѣйшихъ предметовъ, вывозимыхъ изъ Россіи, какъ-то посуду, сундуки, кумганы, замки, дверныя петли и проч. Мало-мальски достаточный мусульманинъ одѣтъ въ халатъ изъ русскаго ситца и обутъ въ сапоги изъ русской юфти. Земдѣлецъ пашетъ землю русскимъ желѣзомъ, а воинъ вооруженъ тульскимъ кремневымъ ружьемъ.

Зависимость Бухары, несмотря на всю ея отдаленность отъ Москвы и Нижняго-Новгорода такъ велика, что бухарцы, кажется, ни одного года не просуществовали бы безъ сношеній съ Россією. Эта связь до того вкоренилась еще искони, Москва до такой степени приспособилась къ своей отдаленной сосѣдкѣ, что товары московскіе на бухарскихъ рынкахъ стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Москвѣ. Такъ, сахаръ здѣсь продается по 8 рублей пудъ; стеариновыя свѣчи по 11 рублей пудъ; ситецъ отъ 4 до 9 рублей кусокъ, въ 40 и 50 аршинъ длины. Этотъ фактъ объясняется, съ одной стороны, качествомъ товаровъ, а съ другой свойствомъ торговли. Русскіе товары, предназначенные для Бухары, готовятся особымъ обра-

зомъ, причемъ фабрикантъ старается угодить вкусу и потребностямъ азіятца. Такимъ образомъ, сахаръ отпускается, по большей части, неочищенный, и, притомъ, малыми головками, фунтовъ по пяти, во вниманіе страсти азіятцевъ дѣлать подарки; ситецъ готовится, во возможности, пестрый и съ яркими узорами; сундуки непременно окрашиваются краскою, оковываются желѣзомъ и имѣютъ замки со звономъ. Затѣмъ торговля Бухары съ Россіею производится, большею частію, на размѣнъ. Бухарцы привозятъ на нижегородскую ярмарку свое сырье, хлопокъ, шелкъ, марену, цитварное сѣмя, ремень и проч. Здѣсь, обмѣнивъ все это на русскій товаръ, они везутъ его къ себѣ домой и норовятъ обратить въ деньги. Азіятскіе купцы не ищутъ большого процента, какъ русскіе: они довольствуются лишь самымъ необходимымъ, потому что не имѣютъ никакого представленія объ удобствахъ жизни, а тѣмъ болѣе о роскоши.

Англійскихъ товаровъ въ Бухарѣ, сравнительно съ русскими, немного. Они проникаютъ сюда изъ Кабула, будучи предназначаемы для мусульманскаго населенія Индіи. Къ англійскимъ товарамъ, привозимымъ въ Бухару, слѣдуетъ отнести:

1) *Кисею*, которая, своимъ качествомъ и дешевизною, превосходитъ русскую, и потому совершенно вытѣсняетъ послѣднюю.

2) *Чай* различныхъ сортовъ, привозимые изъ сѣверныхъ провинцій Индіи. Англичане воспользовались прекращеніемъ вывоза зеленого чая изъ Кашгара и пустили свой чай.

3) *Коленкоръ*, который хотя нѣсколько и дороже русскаго, но значительно добротнѣе.

4) *Выбойку*, состоящую въ томъ, что на кисеѣ набиваются мелкіе кружочки въ родѣ пѣтлѣвъ. Тутъ англичане не угодили вкусу азіятцевъ и ихъ выбойка расходуется плохо.

5) *Альеуанъ*, матерія въ родѣ русскаго кумача. Во время нашего пребыванія въ Бухарѣ, ея въ продажѣ не было.

6) *Парчи*, употребляемая для парадныхъ халатовъ, для чалмъ, поясовъ, однимъ словомъ, какъ предметъ самой изысканной роскоши. Онѣ идутъ наравнѣ съ русскими и называются здѣсь *мультианскими*, потому что фабрикуются въ Мультианъ для Индіи и Афганистана.

Такимъ образомъ, несмотря на все стараніе англичанъ проникнуть съ своими товарами въ Бухару и подавить русскую торговлю, несмотря на надежды Борнса видѣть англійскую торговлю преобладающею въ Бухарѣ, русскіе товары все-таки расходятся здѣсь въ несравненно большемъ количествѣ (*).

(*) Считаю излишнимъ привести цѣны на разные предметы въ Бухарѣ, со-

Относительно земледѣлія, Бухара находится въ совершенной зависимости отъ Самарканда, потому что Зарявшанъ, снабжающій водою поля, сады и огороды бухарскіе, верхнюю половиною своего теченія проходитъ въ русскихъ владѣніяхъ. Весною, когда воды въ Зарявшаннѣ во время нашего пребыванія здѣсь. При этомъ необходимо замѣтить, что нормальный курсъ на нашу монету въ Бухарѣ слѣдующій: одна золотая тилля равняется 4-мъ русскимъ ассигнаціоннымъ рублямъ, а одна серебряная теньга русскому двугривенному; но такъ какъ въ настоящее время русскія ассигнаціи въ Бухарѣ упали, то одна тилля стоитъ 5 русскихъ ассигнаціонныхъ рублей, а на одинъ нашъ ассигнаціонный рубль даютъ лишь 4 теньги.

1) Туземные товары.

Пшеница, батманъ (8 пудовъ), стоитъ 50 тенегъ, въ прошломъ году она стоила лишь 25 тенегъ, и эту цѣну вообще надо считать нормальною; мука стоила 52 теньги батманъ; рисъ по 56 тенегъ, ячмень по 28 тенегъ, и джугара отъ 28—30 тен. за батманъ. Просо въ Бухарѣ не употребляется жителями: оно растетъ въ дикомъ видѣ и идетъ на кормъ лошадей и рогатаго скота. Табаку въ Бухарѣ также не сѣютъ, а привозятъ изъ Катты-Кургана, Карши, Шахрисабза и Самарканда.

Хлопокъ, въ коробочкахъ (неочищенный), стоитъ 60 тенегъ бати. (1 р. 50 к. пудъ); хлопокъ очищенный отъ 18 до 26 тен. пудъ (3 р. 60 к. до 5 р. 20 к.); джекушка (родъ клевера) стоила 1½ теньги за яшакъ (около 4-хъ пудовъ); марена 3 тилли за батманъ.

Виноградъ сухой (изюмъ) стоилъ 2 р. 80 к. пудъ; сырой—40 к. пудъ. Ирюкъ (абрикосы) за чарыкъ (5 фунтовъ) отъ 2 до 5 коп.; персики 20 к. пудъ.

Цѣны на скотъ были слѣдующія:

Лошади отъ 5 до 200 тиллей штука; эшаки (маленькіе ослы) отъ 1½ до 15 тиллей; верблюды отъ 5 до 15 тиллей; коровы отъ 2 до 10 тил.; быки отъ 4 до 10 тил.; овцы отъ 15 до 70 тенегъ и, наконецъ, козы отъ 4 до 10 тенегъ штука.

Жизненные продукты стоили:

Говядина 1 фунтъ 5 коп.; баранина фунтъ 6 коп.; телятина не употребляется; гусь отъ 30 до 50 к. штука, курица 20 к., утка отъ 25 до 30 коп., янцъ сотни 85 коп.

Предметы фабричныя стоили:

Бумажныя нитки за чарыкъ (5 ф.) отъ 4¾ до 5½ тенегъ; высшій сортъ отъ 7 до 9 тенегъ; *бизъ*, кусокъ въ 18 арш. длины, отъ 3 до 4 тенегъ; алача, кусокъ такихъ же размѣровъ, отъ 3 до 15 тенегъ; калыма отъ 3 до 7 тен. кусокъ; чить (выбойка) отъ 17 до 20 тиллей сто кусковъ. Халатъ изъ туземной ткани отъ 8 до 30 тенегъ.

Коконы сырые отъ 16 до 20 рублей пудъ; шелкъ-сырецъ для внутренняго употребленія 150 рубл. фунтъ, а для отпуски за границу отъ 195 до 225 р. фунтъ.

Канаусъ отъ 9 до 14 р. кусокъ; адрасъ отъ 5 до 9 р. кусокъ; бенарясъ 8 р. кусокъ; атласъ 14 руб. штука.

Шерсть: овечья 2 р. 60 к., верблюжья 3 р., козья 2 р., козій пухъ 8 р. за пудъ.

Армячина отъ 12 до 100 тенегъ кусокъ; кошма (войлокъ), длиною 5 и шириною 3 аршина, 25 тенегъ; ковры отъ 15 до 150 тенегъ штука; шали (кашемировыя) отъ 80 до 800 тен. штука.

Мѣха: мерлушчатые, каракулька, отъ 95 до 100 тенегъ десятокъ, лучшіе отъ 110 до 140 тен. десятокъ; даринадаръ сѣрый отъ 70 до 80 тен. десятокъ; лисица-караганка отъ 3¼ до 5 тен. штука; куница отъ 10 до 13 тен. штука; волкъ бурый 3¼ теньги штука.

шапъ немного, а потребность въ ней, для орошенія полей, огромна, Зарявшанъ почти весь разбирается на арыки въ самаркандскомъ и въ катты-курганскомъ отдѣлахъ. Бухарѣ же воды достается лишь по просьбѣ тамошняго правительства, когда наши власти приказываютъ жителямъ Зарявшанскаго Округа закрывать нарочно свои арыки, чтобы дать водѣ ходъ въ бухарскіе предѣлы. Такимъ образомъ, снабженіе Бухары хлѣбомъ зависитъ отъ доброй воли русскаго правительства. Въ нынѣшнемъ году, когда воды въ Зарявшанѣ, вслѣдствіе безснѣжной и бездождной зимы, было мало даже и для Зарявшанскаго Округа, Бухара испытала страшный неурожай. Нельзя было видѣть безъ грусти цвѣтущія поля, пашни и сады, совершенно лишенными воды. Надо замѣтить, что, чѣмъ ближе къ Бухарѣ, тѣмъ долина Міанкальская становится болѣе и болѣе воздѣланною. Порядокъ, въ которомъ содержатся пашни и сады, по-истинѣ заслуживаетъ удивленія: нѣтъ ни одной пяди земли бесплодной—все сплошь засѣяно, отлично размежевано и образцово снабжено арыками. Но

2) Русскіе товары.

Сахаръ 40 тенегъ пудъ; чай 14 тиллей пудъ; стеариновые свѣчи 55 тенегъ пудъ.

Мѣдъ красная въ листахъ 23 тилли батманъ; латунь отъ 80 до 85 тенегъ пудъ; желѣзо 200 тенегъ 16 пудовъ (12½ тен. пудъ); чугунные котлы 12 тиллей, верблюды (подымающіе отъ 4 большихъ до 40 малыхъ котловъ).

Олово 55 тенегъ пудъ.

Ситецъ, штука отъ 40 до 59 арш. длины, отъ 29 до 45 тенегъ; коленкоръ, штука въ 66 арш. длины, 35 тенегъ; сукно, кусокъ въ 20 арш. длины и 1½ арш. ширины, отъ 5 до 5¼ тиллей; юфть черная отъ 230 до 250 тенегъ десятковъ; красная отъ 250 до 270 тенегъ.

Тикъ фабрики Богоазова, кусокъ въ 40 арш. длины, отъ 57 до 60 тенегъ; калябатунъ (для разшивки каляпушей), пачка, въ 60 золотн. вѣсомъ, отъ 100 до 114 тен.

Пряжа № 38 и 40-й отъ 30 до 34 тенегъ.

Нашатырь 7 тиллей батманъ; канцелярное сѣмъ отъ 8½ до 12 тиллей пудъ.

Сандалъ тертый 7½ тиллей батманъ; квасцы 7 тиллей бати.; купоросъ синій отъ 30 до 35 тенегъ пудъ; стекло листовое 3 тилли пудъ.

3) Англійскіе товары.

Кисей, штука въ 24 арш. длины и 1½ арш. ширины, отъ 15 до 17 тенегъ; 20 штукъ 13 тиллей; агабану, пестрая кисей, зашнурованная выбойку, 20 штукъ 8 тиллей; коленкоръ 1-й сортъ, штука въ 50 арш. дл. и 2 арш. шир., 2 тилли; 2-й сортъ 1½ тилли, 3-й сортъ 1 тилля 7 тенегъ.

Альвуанъ желтый, 20 штукъ 34 тилли; красный, тоже 20 штукъ, 40 тиллей.

Чай: лонка, мѣсто въ 4 пуда, 55 тилли, гора 40 тиллей; кырма 30 тиллей;

акъ-башъ (полѣнный) 25 тиллей.

Индиго отъ 4 до 4½ тиллей пудъ.

Сахарный песокъ 16 тиллей батманъ.

Перецъ 24 тилли батманъ.

увы! именно арыки—то и были пусты; почему цвѣтущая долина была похожа на красавицу, въ жилахъ которой изсякла кровь и она еле-еле поддерживаетъ свое существованіе.

Отъ таянія снѣговъ на горахъ, дающихъ начало Зарявшану, вода въ рѣкѣ начинаетъ подниматься только въ іюнѣ. Съ этого времени, ея уже достаточно и для Бухары; въ іюлѣ и августѣ въ Зарявшанѣ стоитъ самая высокая вода, которая доходитъ даже до озера Каракуль, лежащаго верстахъ въ 80 отъ Бухары. Затѣмъ вода начинаетъ убывать.

Изъ земледѣльческихъ продуктовъ, богатство и гордость Бухары составляетъ хлопокъ. Бухарскій хлопокъ, безспорно, лучше кокандскаго и ташкентскаго и предпочитается хивинскому по пѣжности и бѣлизнѣ своего волокна, хотя и уступаетъ послѣднему въ длинѣ волокна. Количество воздѣлываемаго хлопка въ Бухарѣ возрастаетъ годъ отъ году, по мѣрѣ увеличенія вывоза его въ Россію.

Другая статья богатства Бухары — шелкъ. Хотя этотъ предметъ еще не получилъ такого широкаго развитія, какъ хлопокъ, но, въ скоромъ времени, и ему предстоитъ не менѣе блестящая будущность.

Относительно мануфактурной производительности Бухары слѣдуетъ сказать, что она находится въ первобытномъ состояніи, хотя и въ нѣсколько лучшемъ, чѣмъ въ сосѣднихъ независимыхъ ханствахъ. Промышленность бухарская не могла развиваться вслѣдствіе недостатка техническихъ знаній, которыя заторможены закономъ, считающимъ всякое знаніе «внѣ корана» грѣховнымъ. Вотъ почему Бухара, равно какъ Хива и Кокандъ, издавна, въ промышленномъ отношеніи, зависѣли отъ Россіи.

Русское влияніе въ Бухарѣ сказывается и на войскахъ.

Въ Бухарѣ до 10 тысячъ пѣшаго войска (сарбазовъ) и до тысячи артилеристовъ (топчи). Кромѣ того, въ Гиссарѣ оставлено эмиромъ 300 человекъ конныхъ и 3,000 пѣшихъ. Войска набираются частію вербовкою, частію силою, причемъ не обращается вниманія ни на ростъ, ни на здоровье. О медицинской части въ войскахъ, разумѣется, нѣтъ и помину. Жалованье отпускается простымъ солдатамъ по одной тиллѣ въ мѣсяцъ.

Пѣхота дѣлится на сотни, подъ командою сотенныхъ начальниковъ (юзъ-баши). Десять сотенъ подчиняются одному тысяченачальнику.

Вооруженіе пѣхоты весьма неудовлетворительно. Изъ 10,000 сарбазовъ едва ли наберется 2,000, которые имѣютъ кремневые ружья на подставахъ. Ударныя ружья имѣются лишь у начальниковъ.

Солдаты не только стрѣлять, но даже ходить въ ногу не умѣютъ. Всѣ команды произносятся по-русски. Строй и движенія—пародія на русскій уставъ.

Сигналы также перековерканы съ русскихъ. Одежда рядовыхъ состоитъ изъ красной куртки, съ чернымъ стоячимъ воротникомъ, изъ кожаныхъ шароваръ, сапогъ и мерлушковой шапки. Артиллеристы одѣты въ синій кафтанъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. Артиллеристы почти всѣ состоятъ изъ плѣнныхъ францевъ.

Въ Бухарѣ до 200 орудій, но такихъ, которыя могли бы быть выставленными въ поле, едва ли наберется десятка два.

Всѣ войска въ Бухарѣ подчиняются начальнику артилеріи, который имѣетъ самый крупный чинъ. Комплектованіе арміи офицерами производится по протекціи высшихъ сановниковъ, пристраивающихъ своихъ питомцевъ изъ мужскаго харема.

Бухарское войско обучается русскими бѣглыми солдатами, которые, вмѣстѣ съ торговцами, и заносятъ въ Бухару искорки русской цивилизаціи.

Русскихъ бѣглецовъ здѣсь довольно много. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) мало-мальски цивилизованныхъ, т. е. политическихъ преступниковъ, прикащиковъ, обокравшихъ своихъ хозяевъ, людей совершившихъ большой подлогъ и пр. и 2) людей простыхъ: солдатъ, мелкихъ воришекъ и обыкновенныхъ каторжниковъ. Замѣчательно, что въ Бухарѣ лучше живется людямъ второй категоріи: они обучаютъ войска и вносятъ въ жизнь, такъ-сказать, европейскія понятія. Большинство бѣглыхъ этой категоріи суть татары, которые, и по географическому положенію своей родины, и по развитію, служатъ какъ бы связью Москвы и Европейской Россіи съ среднеазіатскими ханствами. Понятно, что житье для нихъ въ Бухарѣ привольное: будучи мусульманами, они чувствуютъ себя здѣсь какъ дома, и въ то же самое время пользуются вліяніемъ, какъ пришлецы изъ странъ болѣе цивилизованныхъ.

Русскому солдатику труднѣе свыкнуться съ совершенно иною обстановкою. Но тяжесть отчужденія отъ родины вознаграждается у нихъ тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое они здѣсь приобретаютъ: они дѣлаются большими начальниками, совѣтниками эмира, и вообще играютъ немаловажную роль. Вполнѣ сознавая свое достоинство и значеніе, они не даютъ спуска бухарцамъ и позволяютъ себѣ, особенно подъ хмѣльнымъ, продѣлывать съ эмиромъ и его мипистрами такія продѣлки, о которыхъ ни одинъ мусульманинъ и помыслить не посмѣетъ.

Въ высшей степени плачевна участь бѣглыхъ первой категоріи. По пословицѣ: «отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ», они несутъ самое тяжелое испытаніе. Бухарское правитель-ство боится ихъ, подозрѣвая въ козняхъ, и третируетъ ихъ, какъ шпионовъ, которые не могутъ желать добра Бухарѣ. Положеніе этихъ личностей до того невыносимо, что они день и ночь мечтаютъ о возвращеніи въ Россію. По выраженію одной изъ такихъ личностей, «лучше въ Россіи быть послѣднимъ солдатомъ, чѣмъ въ Бухарѣ эмиромъ».

Чѣмъ выше по образованію личность, желающая играть роль въ Бухарѣ, тѣмъ участь ея плачевнѣе. Стоддартъ и Конноли были обезглавлены, какъ англійскіе шпионы; въ 1868 году, подосланный изъ Индіи еврей Бекенсонъ спасся отъ грозившей бѣды только тѣмъ, что назвался русскимъ подданнымъ, почему и былъ препровожденъ въ Ташкентъ.

Кромѣ бѣглыхъ, въ Бухарѣ есть еще русскіе плѣнные; но ихъ теперь не много—человѣка два, три. Прежде ихъ было гораздо больше. Въ 1869 году эмиръ отправилъ ихъ въ Чарджуй, гдѣ, отъ болотнаго климата и отъ дурныхъ помѣщеній, они всѣ умерли.

Л. Костенко.